

Екатерина Дибривская

Мы не скажем маме

<https://litres.ru/74206654>

Аннотация

– Что... Что вы делаете? – спрашиваю у мужчины. Сердце отбивает в ушах частую дробь; за этим шумом я с трудом различаю ответ Марка. – А на что это похоже? Расстояние между нашими губами стремительно сокращается до считанных миллиметров. Горячее дыхание обжигает меня ароматом ментола и чего-то ещё – дикого, животного. Страсти, похоти, вожделения. – Маме это не понравится, – испуганно пишу в лицо, полное решимости. – Маме? – усмехается он. – Мы не скажем маме...

Большую часть из своих неполных девятнадцати лет я провела практически не покидая дома из-за болезни и принимала судьбу такой, какая она есть. Но всё изменилось, когда мама решила снова выйти замуж и в нашем доме появился Он.

ГЕРОИ СОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ!

История Бориса, друга Марка:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	73
Глава 8	84
Глава 9	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1

Она

Натягиваю посильней перчатки и открываю шкаф за шкафом, сгребая в свою корзинку всё, что кажется мне достаточно вкусным: яблоки, мандарины, горький шоколад, упаковку круассанов, невесть откуда взявшуюся в нашем доме пачку чипсов – невиданное дело! – и пакетик фисташек; подхватываю пару бутылок воды и застываю, услышав, как хлопает входная дверь.

Мама?!

Глаза мечутся по кухне в поисках места, куда можно спрятать улики. Запрещенные штучки из корзинки, которые я тайком приношу в свою комнату, пока никого нет дома.

Вот уже как пару лет примерно раз в неделю я спускаюсь с третьего этажа и рыскаю по кухне в поисках запрещёнки, чтобы потом смаковать понемногу эти лакомства, пока они не закончатся. И если меня сейчас застукают, мне хана!..

– Ну что – Марк Александрович?! Вот что – Марк Александрович?! – словно раскаты грома разносится по дому незнакомый голос. – Я уже сорок с гаком лет как Марк Александрович, а до сих пор не путаю даты важных переговоров. Даже и не знаю, зачем мне секретарь, Оксаночка! Ещё и такой забывчивый!

“Жених мамы”, – догадываюсь я. И краснею.

Щёки начинают гореть. Боже, как же неловко! Ни в коем случае нельзя, чтобы он увидел меня здесь и рассказал маме.

Я осторожно выглядываю в холл, некоторое время наблюдаю, как тот, кто назвал себя Марком Александровичем, пересекает его, размашисто шагая из угла в угол. Слишком далеко, чтобы я могла как следует его разглядеть. Некоторое время он ругает невидимую для меня Оксану, а потом скрывается в гостиной. И я пускаюсь бежать.

Мягкие пушистые тапочки скользят по блестящему полу, но в них имеется и неоспоримый плюс: моих торопливых шагов не слышно. Поэтому я беспрепятственно добегаю до лестницы, но цепляюсь ручкой корзинки за перила. Как же невовремя!

Лежащие сверху фисташки шмякаются с громким звуком на пол. Со стороны гостиной доносятся шаги, и я припускаю по лестнице, решив, что лучше бросить добычу, чем попасться на месте преступления с поличным.

– Настя? – тихо зовёт мужской голос. – Настенька, это ты? Не бойся, я друг твоей мамы.

Судя по шороху внизу, Марк поднимает пакетик с орехами, начинает подниматься за мной.

– Настенька, ты уронила... Ты, наверное, испугалась...

Наконец я добегаю до своей двери, забегаю в комнату, тихо опускаю ручку и прислоняюсь к двери спиной.

Сердце колотится так, что трудно дышать. Позабывшись, я стягиваю с лица одноразовую маску, делаю несколько глу-

боких вдохов, в ужасе смотрю на латексные перчатки. Бросаюсь в ванную, быстро запихиваю в мусорку маску, стягиваю перчатки, мою руки и лицо с мылом, обрабатываю их антисептиком. Вооружившись флакончиком, тщательно обрабатываю корзинку вместе с раздобытыми вкусняшками и вдруг слышу стук в дверь.

– Настенька, – зовёт тот-кого-зовут-Марк. – Мы не успели познакомиться, мама сказала, что сейчас не лучшее время... – он вздыхает, и мне чудится, что с досадой. – Но у меня есть для тебя подарок, Настюш. Оставляю его под дверью, ладно? А ты можешь забрать его позже, если захочешь, хорошо?

Я молчу. Он молчит. Не знаю, сколько проходит времени. Секунды складываются в минуты, а я забываю их считать.

– Ладно, – говорит Марк. – Я ухожу. Твой подарок ждёт под дверью. Если хочешь, возьми, если нет... Я проверю через пару часов и снова спрячу до лучших времён. Надеюсь, мы подружмся, Настенька!..

За дверью слышатся шаги, которые затихают по мере его удаления. Я выжидаю минут двадцать, прежде чем решаюсь приоткрыть дверь.

На полу стоит большая подарочная коробочка розового цвета. Я тихо фыркаю и закатываю глаза, осторожно озираясь по сторонам, выхожу из комнаты, подхватываю коробку и снова прячусь за дверь.

Поднимаю крышку. Внутри сидит огромный плюшевый медведь. Некоторое время я просто бессмысленно смотрю

на игрушку, а потом осторожно достаю её и изучаю поближе, держа на вытянутых руках.

Это светлый мишка в забавной шапочке и варежках. А из одной из них торчит пакетик фисташек. Я кусаю губу, задумываясь. Цепляю пальцами упаковку, прицельно бросаю в корзинку с другими вкусностями и, словно почувствовав движение во дворе, подхожу к окну.

Марк торопливо идёт к своей большой чёрной машине, но неожиданно резко оборачивается и смотрит прямо на меня.

Резко отпрянув от окна, я прячусь за портьерой, но продолжаю наблюдать, как делаю это всю неделю... и всю свою жизнь. Когда ты вынужден практически не покидать комнаты, только и остаётся, что наблюдать.

Марк ещё некоторое время смотрит в моё окно, изучает каждое на этаже. И, видимо, не обнаружив моего присутствия, садится в машину и уезжает.

Картинка за окном обездвиживается, словно кто-то поставил на паузу всю жизнь. Долгие-долгие минуты не происходит абсолютно ничего: белоснежное покрывало, вычищенные дорожки, деревья и кустарники под снежными шапками. Ветер не колышет ветки, с неба не срываются снежинки, даже птицы не пролетают, и я думаю: вдруг я тоже застыла? Вдруг меня просто нет? Вдруг всё это мне только снится? Но к дому подъезжает такси, из которого выходит наша экономка, и мир снова оживает.

Водитель помогает ей затащить внутрь огромные пакеты и уезжает, а я отхожу от окна. Нужно возвращаться к занятиям, но сперва спрятать находки и подарок Марка.

Прижатый к груди плюшевый медведь пахнет незнакомо. Тонкие нотки парфюма, которым веет от светло-коричневой игрушечной шкурки, практически безошибочно намекают, что он – парфюм – принадлежит мужчине. Я представляю, как Марк вертит в руках этого медвежонка, разглядывая со всех сторон, словно решает, подходит он для меня или нет.

Мысль о том, что кто-то, кто не является моей мамой, думал обо мне, выбирал мне подарок, приятно волнует. Мысль о том, что мамин жених нашел время на выбор игрушки, чтобы *подружиться* со мной, обескураживает. Со мной ещё никто и никогда не пытался подружиться.

Были только я и вечно работающая мама. Редкие поездки в больницу на обследования или лечение. Примерно три года назад мы неожиданно переехали в другой город, в этот дом, и в моей жизни появилась экономка, Зоя Павловна. Изредка, когда она заходила, чтобы принести мне еду или прибраться, мы перебрасывались парочкой фраз, но особо общительной эту женщину сложно было назвать. Так что основным источником живого общения была и остаётся моя мама.

Пару недель назад она рассказала, что долгое время встречалась с Марком и теперь они планируют пожениться.

– Пришло время, – сказала она мне.

– Ну, пришло, так пришло, – ответила я. – Я уже выросла,

мам. Папа давно умер, и меня не обижает, что ты продолжаешь жить дальше.

– Несмотря ни на что, ты всегда останешься моей любимой прекрасной малышкой! – мама коротко обняла меня и поцеловала макушку. – Мой Марк скоро переберётся к нам. Нам всем нужно притереться друг к другу, привыкнуть к совместному быту...

Тогда я только пожала плечами. “Нам всем” подразумевало “маме и её будущему мужу”, которому только предстоит вникнуть в особенности жизни с тяжело больным человеком. И так как первое и самое важное правило такого существования гласит, что мне требуется избегать любых контактов во избежание инфекций, любая, даже малейшая из которых, в конечном счёте, может меня убить, это почти стопроцентно означало, что если мы с Марком и встретимся, то нескоро.

Неделю спустя я сидела на подоконнике и наблюдала, как грузчики перетаскивали в наш дом вещи из большой машины, а на подъездной дорожке, наблюдая за мужчинами в фирменных спецовках, стоял он. Марк. Мой будущий отчим.

Словно почувствовав мой взгляд, мужчина резко обернулся, безошибочно определив моё местоположение, и моё сердце пропустило удар.

Я провела на этом окне более пяти тысяч часов, свыше трёхсот тысяч минут, бесконечные миллионы секунд, и он был первым человеком, который это заметил.

Я стараюсь не отвлекаться от занятий, но взгляд то и дело

возвращается к игрушке, лежащей на кровати. Губы дрожат, так и норовя расползтись в улыбке. Забавный медвежонок. Уже и не вспомню, когда из комнаты исчезли все мягкие игрушки. Мама называла их пылесборниками и рассадником для инфекций каждый раз, когда я просила у неё в подарок хоть одну.

Раньше, до болезни, когда папа ещё был жив, у меня было много игрушек. Иногда в сознании вспыхивают весьма смутные воспоминания, в которых мы с папой строим крепость из подушек и устраиваемся пить чай в окружении всех моих игрушек.

Тогда я была счастлива. Тогда я была обычным ребёнком. Папа, хоть и редко бывал дома – всё чаще работал, но уделял мне очень много времени. И часто баловал меня подарками: куклами, игрушками, шоколадками и прочими сладостями.

А потом всё изменилось. Папа умер. У меня обнаружили врождённый генетический дефект иммунной системы. Из часто болеющего и легко цепляющего любые инфекции ребёнка я превратилась в тяжело больного. Мой организм не справлялся с инфекциями. Мне был противопоказан даже лёгкий насморк. Любая простуда могла меня убить.

Конечно, это обнаружилось не сразу. Сначала я перенесла, казалось бы, обычную сезонную ОРВИ, неожиданно давшую осложнения на почки. Меня долго обследовали. Я перенесла несколько операций. Потом уже мама сбивчиво объясняла всё это мне. Как и то, почему я не могу вернуться в

школу.

Мне только исполнилось восемь, когда моя жизнь изменилась до неузнаваемости. Я так злилась, что папа умер, словно, будь он жив, непременно бы исправил несправедливость в моей жизни!

Постепенно я росла и привыкала принимать судьбу такой, какая она есть. Мама всегда была рядом, поддерживала меня, уделяла много времени и сил моему лечению. Я послушно выполняла все предписания и почти не болела. Только безумно скучала по внешнему миру, который видела только на ярких картинках в соцсетях.

Я окончила школу с отличием и поступила в зарубежный университет. Онлайн, естественно. Примерно 70% моих однокурсников тоже чем-то больны, поэтому мне довольно легко находить с ними общий язык. Мы созваниваемся по видеосвязи, переписываемся, но это всё равно не то же самое, что живое общение, которого мне не хватает. Иногда я молчу так долго, что кажется, словно я разучилась говорить.

К вечеру Зоя Павловна приносит мне ужин. Я сижу на подоконнике и читаю книгу. И едва успеваю спрятать за книгой вскрытую пачку чипсов, которые тихонько грызу.

– Здравствуйте, Зоя Павловна! – вежливо приветствую пожилую экономку и спрашиваю, хотя прекрасно знаю ответ: – Мама ещё не приезжала? А Марк Александрович?

– Добрый вечер, Настасья! Никак нет, хозяева пока не возвращались.

– Как вам Марк? – спрашиваю у женщины. Ну и пусть она не ответит, главное же, попытаться. – Не терроризирует вас своими барскими заскоками? Ой, ну ладно вам, Зоя Павловна, уж мне могли бы хоть словечком обмолвиться, знаете же, что за пределы этой комнаты ваши тайны ни-ни!..

Экономка стреляет взглядом на книжку, которой я прикрываю чипсы. Вот мне действительно нужно быть аккуратнее. Неровен час, когда милая старушенция расскажет маме о своих находках в моей комнате.

Во дворе появляется автомобиль Марка.

– Вам лучше поспешить встречать нового хозяина, – предупреждаю её, спрыгивая с окна. Не хочу, чтобы он решил, словно я специально караулю его ради секундного переглядывания.

Но всё же не могу удержаться. Стоит экономке выйти и прикрыть за собой дверь, я прячусь в тени портьеры и смотрю вниз.

Покинув салон, Марк первым делом изучает окна третьего этажа. Мои губы растягиваются в улыбке. Мне нравится эта маленькая игра.

Глава 2

Он

Быстрый взгляд на окна мансардного этажа, похоже, становится привычкой. Непонятно с какого хера я чувствую себя чуть ли не преступником, злодеем, держащим на чердаке своего дома в заточении узницу.

Но больше, наверное, испытываю жалость. Щемит где-то в области чёрствого сердца от несправедливости этого мира в целом и в отношении отдельно взятой семьи, за которую я в какой-то степени подвизался нести ответственность, в частности.

В окнах пусто, и я чувствую лёгкий приступ досады. Сам не знаю почему. Возможно, это биологические часы трубят, что возраст обзавестись потомством вполне себе подходящий, а может, усталость к концу года даёт о себе знать, выбивая на вовсе не присущую мне сентиментальность.

“Стареешь, Маркуша”, – думаю с усмешкой и захожу в дом.

– Здравствуйте, Марк Александрович! – доносится до меня голос экономки, и я вздрагиваю. Никак не привыкну к присутствию в доме людей. – Илона Андреевна ещё не вернулась. Вам подать ужин, или вы дождётесь её?

– Добрый вечер, Зоя Павловна! Настя не желает спуститься к ужину? – спрашиваю вместо ответа.

– Настасья всегда принимает пищу строго в отведённое для этого время и исключительно в своей комнате, – чопорно чеканит домоправительница. – У хозяйки всегда чёткие рекомендации по этому поводу. Простите за дерзость, но я не думаю, что вам стоит беспокоиться насчёт этого и тем более вносить коррективы. Илоне Андреевне это не понравится, уж больно она за дочку трясётся.

Старая карга выжидательно смотрит на меня. Уволить бы ведьму, чтобы знала своё место и не лезла с непрошеными советами, да только подспудно понимаю, что она права. Илоне виднее, как обеспечивать дочери нужный уход.

– Я дождусь Илону, спасибо, – сухо говорю ей. – Принесите, пожалуйста, в мой кабинет бокал коньяка с лимоном.

Лучше немного успокоить нервы и поправить давление.

Но по дороге в кабинет я взбегаю по лестнице на условный третий этаж и проверяю, забрала ли девочка мой подарок.

Не обнаружив ничего на полу, быстро стучу по двери косячками пальцев.

– Настя, приём! Как слышно? – говорю достаточно громко для того, чтобы она услышала. Если, конечно, не сидит в наушниках. – Просто хочу убедиться, что коробку с подарком забрала ты, а не экономка.

В пронзительной тишине за дверью слышится лёгкая поступь шагов. В выбивающейся из-под двери полоске света возникает тень. Но отвечать Настя не торопится.

– Так что, – нетерпеливо поторапливаю я. – Ты забрала

коробку? – Она молчит. – Не хочешь со мной разговаривать? Ладно, понял. Давай договоримся так: если ты взяла коробку, стукни дважды.

Тихий робкий стук разрывает тишину, и я улыбаюсь.

– Отлично! Признаться честно, я волновался, что его прибрала к рукам Зоя Павловна. Но я рад, что он достался именно своей хозяйке.

Больше сказать нечего, да и миссия выполнена. Но я стою перед дверью, приглядываясь к колебанию тени.

– Тебе понравился мой подарок, Настенька? – спрашиваю наконец, сам не зная зачем.

Она стучит дважды, уже громче, уверенней.

– Рад слышать, – усмехаюсь в ответ. – Ты, наверное, села ужинать? – Два быстрых удара о светлое дерево служат мне ответом. – Тогда не буду тебя задерживать, Настя. Приятного аппетита!

В кабинете поджидает Зоя Павловна. Смотрит на меня неодобрительно, и я сдвигаю хмуро брови, всем видом как бы намекая, что не собираюсь вечно закрывать глаза на нарушение субординации.

Несмотря на то, что её нанимала Илона, работает она всё же в моём доме.

До приезда будущей жены разбираю письма на электронной почте, сортирую их по папкам. Важное, срочное, побочное. Личное и рабочее. Что-то в корзину, что-то пометить как спам. Было бы классно, если бы этим занималась Ок-

сана. Я всё меньше и меньше понимал смысл её существования в моей жизни, если мне приходится самостоятельно решать большинство вопросов. Поначалу, после выхода в декрет прошлой секретарши, было чувство, словно без рук остался. Но теперь, благодаря безалаберности Оксаны, я сам себе и секретарь, и делопроизводитель, а раз так, то после нового года придётся пересмотреть кадровую политику.

В районе девяти в кабинет входит Илона.

Ослепительная женщина. Роскошная. Изящная, грациозная... Можно перечислять до бесконечности.

Мы познакомились лет пять назад на одном медицинском форуме. Тогда женщина сразу мне приглянулась яркой внешностью и просто обалденной фигурой. Без особого труда я свёл с ней знакомство, мы провели потрясную ночь в одном номере, а наутро она исчезла из моей жизни.

Она не была золушкой, я не был чёртовым принцем, поэтому искать её я не бросился.

Снова мы встретились спустя полгода. Случайно столкнулись лицом к лицу недалеко от моего офиса. Илона не стала делать вид, что мы не знакомы, не жеманничала при встрече, чем сразу меня подкупила.

Я пригласил её на кофе, она не отказала. Позже были походы в театр, в рестораны, Илона задерживалась на несколько часов в моей квартире, в моей постели, и торопилась вернуться домой.

Необременительный формат наших отношений меня бо-

лее чем устраивал. Красивая, умная, ненавязчивая женщина, которая никогда не требовала ничего большего, всегда заранее предупреждала о приезде, чтобы я мог спланировать досуг, и не обижалась, если я ссылался на занятость. О чём ещё можно было мечтать?

Когда она рассказала мне о больной дочери и необходимости переезда ближе к клинике, куда перешёл работать их врач, я, признаться, растерялся. За год с лишним нашего так называемого романа она и словом не обмолвилась, что у неё есть ребёнок, да ещё и с каким-то серьёзным заболеванием. Да и в тот момент она не требовала помощи, поддержки, просто ставила перед фактом, что вынуждена переехать в соседний город, что мы, вероятно, не сможем встречаться так часто.

– О чём речь! – ответил я. – Дети – это святое.

И помог. По воле случая у меня имелась пустующая недвижимость в нужном районе, оставалось лишь организовать переезд.

Так Илона с дочерью стали жить здесь, в моём доме.

– Здравствуй, милый, – нараспев растягивает женщина и бегло целует меня. – Ты не скучал? Прости, пришлось задержаться на процедурах.

– Всё в порядке? – хмурюсь я.

– Да, переживать не о чем. – беззаботно отмахивается она. – Решила перед свадьбой пройти полное обследование. И тебе тоже не мешало бы это сделать.

– Закрою год и непременно пройду, – обещаю женщине.
– Я ждал тебя к ужину...

– Марк, не стоило, я никогда не ужинаю позже семи, – кокетливо надув губы, произносит Илона. Более тонким голосом, чем обычно, что неожиданно рождает внутри волну раздражения, которую, впрочем, удаётся погасить без срывов и жертв.

– Без проблем, – улыбаюсь ей. Она наклоняется к моему лицу, целует... Удушливый сладковатый запах её духов меня раздражает. Нужно подарить ей что-то менее навязчивое, более свежее, волнующее!..

Ужинаю я в одиночестве прямо в кабинете. Пока Илона занимается своими ежевечерними уходовыми ритуалами, я завершаю дела, наскоро принимаю душ и запрыгиваю к ней под одеяло.

Руки ныряют под шёлковое кимоно, быстро ласкают женскую грудь...

– Ммм, – еле слышно стонет Илона. – Ммм-марк, не сейчас, милый. Мои процедуры... словом, по женской части... Чтобы долго радовать тебя крепкими мышцами... Но пока мне необходим половой покой.

– Долго? – шумно выдыхаю я.

– Недели две-три, – сдавленно хихикает она. – Потерпи, милый. Зато потом я буду снова как юная девочка!

– Ладно, *девочка*, спи тогда, а я пойду ещё поработаю.

– Ты не обижаешься? – летит уже мне в спину, когда я

хочу покинуть спальню.

– Нет, конечно, дорогая, – усмехаюсь я, радуясь, что, во-первых, в комнате темно, а во-вторых, я стою к ней спиной.

“Конечно, Марк, ты только об этом и мечтал, когда предложил съехаться с последующей перспективой брака!” – ехидно шепчет внутренний голос.

Я отмахиваюсь от него. Иду в кухню вместо кабинета. Чего на сухую сидеть над отчётами, верно?

Но в дверях кухни я сталкиваюсь с экономкой.

– Ой, Марк Александрович, ну и напугали! – охает она, пока я разглядываю поднос с одинокой чашкой чего-то сладкого с приторным ароматом шоколада.

– Что это тут у вас? – спрашиваю у неё.

– Горячий шоколад Настасье несусь, – говорит она и осекается, словно предвидит моё дальнейшее предложение.

– Давайте-ка сюда, Зоя Павловна. Я сам, пожалуй, отнесу! – И чтобы она не расслаблялась, наклоняюсь чуть ближе и тихо говорю: – И лучше бы вам не спорить с хозяином дома, в котором вы работаете.

Женщина безропотно отпускает поднос, который я тяну на себя.

– Илоне Андреевне это не понравится, – предупреждает она.

– Только в том случае, если она об этом узнает, – лихо улыбаюсь в ответ. – Но если *м*ыне станем её расстраивать по всяким пустякам, то *вы*получите неплохую прибавку к жа-

лованию. Спасибо за понимание!

Резко развернувшись, я поднимаюсь к двери комнаты на мансардном этаже и дважды стучу.

– Зоя Павловна, входите! – доносится до меня тоненький голосок. А в следующий момент дверь распахивается, и я теряю дар речи.

Ноги. Бесконечные. Стройные. Идеальные. Нереальные какие-то ноги в запредельно коротких до неприличия шортиках.

Это первое, что бросается в глаза.

В следующее мгновение я перевожу взгляд выше и натыкаюсь на удивлённый взгляд огромных голубых глаз в обрамлении длинных пушистых ресниц.

На идеальной, словно фарфоровой, коже лица вспыхивает смущённый румянец, и девушка – *не ребёнок!* – тупит взор. Она невозможная красавица. Я никогда прежде таких не встречал. Даже лощённая красота Илоны меркнет на фоне кукольной внешности стоящей передо мной девушки.

Тонкая рука изящно взмывает в воздух, поправляет белокурые локоны. Откровенно нервный жест кажется мне кокетливым. От него разом поднимается давление.

“А Настю можно?” – хочется спросить мне как последнему крестину. И я даже открываю рот, чтобы задать этот нелепый вопрос, словно какой-то школьник, постучавшийся в дверь к однокласснице и впервые увидевший её старшую сестру, но меня останавливает мелодичный голос:

– Добрый вечер! Марк, правильно? – Пухлые губки так и норовят расползтись в улыбке, но девушка сдерживается. – Мама немного рассказывала мне о вас. А ещё я видела вас в окно.

Она неоднозначно кивает куда-то в сторону окон, с любопытством разглядывая меня.

– Здравствуй, Настя, – говорю и не узнаю собственный голос. Он звучит приглушенно, словно в ушах мешаются какие-то затычки. – Я тоже слышал о тебе *немного*. Приятно наконец познакомиться с тобой.

Сейчас мне кажется, что Илона ни черта не рассказывала мне о себе или своей дочери. Иначе как я мог так сильно заблуждаться? Почему воспринимал Настю маленьким больным, болезненным ребёнком? *Ребёнком*, маленькой девочкой Настенькой, лет восьми от роду. Ладно, может, не восьми, а тринадцати. Но точно не взрослой девицей с внешностью богини!

Придуманный образ никак не вяжется с тем, что я вижу. Хочется протереть глаза, вдруг я брежу?..

Но Настя вдруг лучезарно улыбается.

– О, вы принесли мне горячий шоколад? Спасибо, это так мило с вашей стороны!

Она перехватывает поднос, и я его отпускаю.

– Можете войти, но только если у вас нет признаков простуды, – предлагает она.

– У меня их нет, – киваю я, присматриваясь к девушке.

Меньше всего она тянет на больную, но я ничего не смыслю в нарушениях иммунной системы.

Настя чуть отходит в сторону, позволяя мне войти в свою комнату, вторгнуться в своё личное пространство, и я зачарованно делаю шаг вперёд.

“Один раз, – убеждаю я себя. – Только утолить любопытство и познакомиться нормально с дочкой Илоны. Больше это не повторится. Ну, просто на всякий случай...”

– Добро пожаловать в мой мир, – с улыбкой говорит мне Настя, и я осматриваюсь.

Весь этаж под самой крышей занимает её комната. Чего здесь только нет!

Спальная зона с большой кроватью, усыпанной кучей маленьких подушек. В изголовье сидит медвежонок. Тот самый, которого подарил ей я. Учебная зона с большим письменным столом, на котором аккуратными стопочками лежат тетради, распечатанные листы, в центре – закрытый ноутбук. Огромная часть стены уставлена стеллажами с книгами. Рядом маленький зелёный сад: какие-то фикусы в горшках. Зона для творчества с мольбертом и ещё какими-то приспособлениями.

– Вот так я здесь и живу, – нараспев говорит мне Настя. – Скучно, тихо и одиноко. Подумываю, конечно, закатить вечеринку, дождавшись, когда вы с мамой куда-нибудь свалите, и тайком провела в комнату классного парня...

Она прыскает со смеху, глядя на моё лицо, полное недо-

нения. Она сейчас про меня?..

Но Настя стреляет глазами на медвежонка и поясняет:

– Университетские друзья считают меня остроумной, но, видимо, тщательно продуманные и озвученные в студенческом чате шутки у меня выходят гораздо лучше спонтанных. Простите!..

Она взволнована, но очень старается этого не показывать. Я тоже испытываю волнение – абсолютно нелогично, неожиданно и неуместно.

Но тем не менее успокаиваю девушку:

– Мне понравились твои шутки. Действительно, остроумно. Значит, ты учишься в университете?

– Второй курс по специальности графический дизайн в университете Арден, – отвечает Настя. – Приходится ограничиваться доступной для существования средой в планировании будущего, хотя сейчас я думаю, что дурака сваяла. Нужно было идти в медицину, как и хотела изначально, а не слушать мамины советы.

Второй курс... Это сколько ей, получается? Лет двадцать? Почему меня вообще это заботит?..

– В медицину? – с любопытством спрашиваю у неё. – Чтобы заниматься исследованиями в области своей болезни?

Она очаровательно улыбается:

– А почему нет? Других интересных занятий у меня всё равно нет. Но вместо медицинских исследований я создаю контент для соцсетей, рисую на заказ логотипы, визитки и

баннеры и всё такое. Понадобится что-то подобное, обращайтесь. Вам, так и быть, сделаю приличную скидку.

– Я подумаю над твоим предложением, – серьёзно отвечаю ей.

– Подумайте, – кивает девушка. – Я даже могу брать оплату чем-то другим, натуральным. В виде исключения и по очень близкому знакомству. Больше всего я люблю мороженое и пастилу, но соглашусь на любые сладости.

– А ещё фисташки?.. – усмехаюсь я. Её щёки розовеют, и я ощущаю прилив крови *ко всем* конечностям.

– Орехи, чипсы, сухарики я тоже люблю. Но сладости, всё же, больше. – бесхитростно признаётся Настя.

– Тогда почему ты таскаешь их тайком с кухни? Ты же взрослая и такая самостоятельная личность... – непонимающе интересуюсь у неё.

Настя с досадой вздыхает:

– Углеводы такого типа крайне нежелательны при малоподвижном образе жизни. Мама желает мне только добра. Ну кому будет лучше, если я схлопотаю ещё диабет или ожирение?

Я выразительно смотрю на стройное тело, скрытое под никчёмным домашним костюмчиком. Хлопковые рубашка и шортики в бело-розовую клеточку не оставляют абсолютно никакого простора для воображения. Тело у Насти до того сказочно-прекрасное, что я терплю поражение каждый раз, когда слишком стараюсь не смотреть. Я *хочу* смотреть. Хочу

любоваться, хотя делать этого ни в коем случае нельзя.

– Вряд ли тебе это грозит, – сухо говорю ей. – Пожалуй, мне уже пора оставить тебя в одиночестве. Был очень рад знакомству, Настя.

Я пячусь к двери.

– Уже? – протягивает она. – Я думала показать вам несколько своих работ и вообще...

Разочарование на лице девушки рождает в голове хаос, смятение.

– Уже поздно, отложим на другой раз, хорошо? – спрашиваю, хотя уверен, что даже под дулом пистолета больше не пересеку порога этой комнаты.

Слишком неправильно то, что я чувствую рядом с ней. Как в дешевом водевиле.

– Хорошо, – кивает Настя. – Я буду ждать.

В её взгляде столько надежды и воодушевления, что я проигрываю, даже не начав этот бой. Невозможно давать лживые обещания кому-то столь чистому, светлому, неиспорченному, принимающему всё за чистую монету. Девушка тоскует в одиночестве большую часть жизни, с меня не убудет, если я буду иногда заглядывать и болтать с ней.

– Какое мороженое тебе принести завтра?

– Фонарик с шоколадной крошкой! Две штуки. – выпаливает она. – Знаете, такое, в золотистой блестящей упаковке...

– Знаю. – киваю коротко. – Обязательно раздобуду тебе

парочку. До завтра. Не скучай!

Настя прихватывает зубами нижнюю губу, смущённо хлопает ресницами и тихо говорит:

– Можете считать, что я уже скучаю, ведь скучно мне всегда!

– Тогда мне лучше поторопиться и как можно скорее вернуться к тебе. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы такая прекрасная особа скучала в одиночестве. – выпаливаю на одном дыхании, тут же жалея. Чёрт, Марк, нельзя флиртовать с Настей! Это недопустимо! Она же мне в дочери годится!

– Хорошо, что вы не позволите мне окончательно зачахнуть от невыносимой скуки! – обольстительно усмехается чертовка. Вряд ли специально, но природная кокетливость у неё просто бомбическая. Каждый жест, каждый взгляд приковывает моё внимание, обрушивается шквалом эмоций, обольщает.

– Не позволю, – усмехаюсь я в ответ. – А теперь пей горячий шоколад и ложись спать. Уже правда поздновато для визитов.

Я выхожу в тёмный коридор.

– Спокойной ночи, Марк! – тихо бросает мне в спину Настя.

– И тебе сладких снов, – резко оборачиваясь, я подмигиваю девушке и до последнего, пока между нами не закрывается дверь, наблюдаю, как стремительно её кукольное личи-

ко заливается восхитительным румянцем.

Отчего-то я уверен, что мои собственные сны отныне будут приторно-сладкими, заставят кровь закипать прямо в жилах. И лишь отчасти испытываю угрызения совести на этот счёт.

Глава 3

Он

– Я ждал чего угодно! Увидеть там щуплого подростка, малышку с бледным личиком... Не знаю!.. – в сердцах говорю я, лёжа на кушетке в кабинете психотерапевта и разглядывая покачивающиеся от потока воздуха из кондиционера жалюзи. – Но я совсем не ожидал, что дочь Илоны окажется взрослой девушкой, студенткой. Чёртовым графическим дизайнером, выполняющим заказы!.. Умненькая, живенькая... А её внешность?... Девушке достались самые лучшие данные. Идеально всё! Нет просто ни одного изъяна...

– Совсем ни одного? Уверен, хоть что-то да найдётся, – самодовольно хмыкает голос где-то за моей головой. – Её болезнь, например...

– Она не похожа на больную, в том-то и дело! Обычная девушка. Обычная, да необычная. Красавица! Невероятная просто, таких просто не бывает! Здоровый цвет лица, даже синяков под глазами нет! Болезнь никак не проявляется внешне.

– Возможно, сейчас она находится в состоянии стойкой ремиссии. По крайней мере, одно уже точно можно сказать наверняка: Илона не маньячка и не измывается над своим ребёнком. Отлегло от сердца?

Я издаю смешок, резко поднимаюсь и поправляю пиджак.

– Да иди ты, Борян! Я и так всю неделю провёл как на иголках! А всё ты: слишком подозрительно поведение Илоны, держит девочку взаперти!.. – передразниваю друга. – Накрутил меня, будто я и так не на взводе на пороге важных перемен в личной жизни.

– Потому что подспудно ты понимаешь, что совершаешь ошибку, а я, как твой друг, всячески пытаюсь сделать так, чтобы ты вовремя это осознал.

– Да нихрена подобного! Борь, серьёзно, прекращай испытывать на мне свои штучки. Ты вечно втираешь мне какую-то дичь, а потом я сталкерю дочку своей бабы, чувствуя себя самым настоящим преступником...

– Преступником или соучастником чужого преступления? – уточняет Борис.

– А есть разница? – удивлённо вскидывая брови, спрашиваю у него.

– Конечно. Быть преступником – это сознательный выбор. Быть невольным соучастником чужого преступления – травмирующий опыт, принуждение, абьюз, в какой-то степени.

Хорошенько обдумав вопрос Бори, я вздыхаю:

– Чёрт, ну, конечно, быть невольным соучастником мне бы не хотелось! Но я бы и не думал об этом, если бы ты не посеял семя сомнения в мой разум.

– Нельзя породить сомнения в том, кто стопроцентно уверен в своём выборе. – протягивает Борис. – Просто признай: ты не уверен.

– Три наших одноклассника умерли за прошедший год. Сорокалетние мужики, Борь. Нельзя откладывать на завтра такие важные вещи как создание семьи, рождение наследников, хотя бы одного, ведь завтра может просто не наступить.

– Да, я тебя понимаю. Но для этого вовсе не обязательно жениться на первой встречной.

– Мы с Илоной знакомы пять лет. Вряд ли её можно назвать первой встречной. – парирую я.

– Вот именно! Знакомы! – закатывает глаза приятель. – Ты даже не знал, сколько лет её дочери. Так ты просто подумай, скольких ещё фактов о ней ты не знаешь? Мой тебе совет, дружище: не торопись назначать дату свадьбы, узнай Илону получше. Теперь, когда вы живёте под одной крышей, твоему вниманию станут доступны те немаловажные детали, которые очень важны для семейной жизни. Присмотрись, и, я уверен, ты поймёшь, тот ли она человек, с кем тебе стоит провести остаток жизни.

– Ты душнила, – вздыхаю я.

– Вовсе нет. Ты битый час рассказывал мне о сексуальной дочке своей женщины, искал причины, почему так отвратительно думать о ней, как о красивой и интересной девушке, женщине, объекте вожделения, если угодно, и убеждал себя, что не можешь испытывать к ней интереса. – смеётся Борис. – Но правда заключается в том, что ты уже его испытываешь. Физический, мужской, животный, простое любопытство – не суть. Это будет мучить тебя, разъедать кукушку,

просто поверь на слово, я точно знаю, о чём говорю. Когда человек уверен в своём выборе, когда любит кого-то, ему не требуются никакие доводы, почему он не может вожделеть другую женщину.

– Брось, – усмехаюсь я. – Все мужики смотрят на других женщин.

– Смотреть, даже оценивать на предмет трахнул бы или нет, это одно. Мимолётная мысль, которая не вызывает немедленного желания оправдаться и выдать список из ста причин, почему нет, Марк. – Борис качает головой. – Думаю, тебе нужно разобраться в себе, понять, чего ты хочешь на самом деле, а что продиктовано навязанными обществом принципами. Ты не любишь Илону. Если бы любил, у тебя даже на секунду не возникло бы мысли о том, чтобы рассматривать её дочь как другую женщину.

– И что прикажешь делать? – испытывая прилив раздражения, спрашиваю у него.

– Честно? – усмехается он, и я киваю. – Я бы посоветовал тебе дистанцироваться, слетать куда-нибудь, закрутить курортный роман. Словом, познакомиться с другой женщиной.

– У меня нет на это времени! – отмахиваюсь я.

– Поэтому я дам тебе ещё один дружеский совет: общайся с девчонкой, и всё очарование рассеется. Сейчас ты ослеплён внешней оболочкой, яркой, красивой обёрткой конфеты, которую тебе очень хочется попробовать на вкус.

Но никто не даёт гарантий, что она тебе понравится, когда ты её надкусишь.

– Да ты, вероятно, гонишь! – подпрыгивая на месте, выкраиваю я. В голове моментально рождается тысяча и один способ, как я хотел бы попробовать её на вкус.

Чёрт, вероятно, у меня кризис среднего возраста.

– Заметь, Марк, я ни словом не обмолвился о сексе, о нём ты подумал сам. – смеётся Боря. – Я же имел в виду просто общение. Тебе сорок, ей двадцать. Ты – взрослый уважаемый мужик, у тебя есть деньги, возможности, ты созрел для семейной жизни. Она – молоденькая студентка, которая ни черта не видела в своей жизни. Найдутся ли у вас общие темы для беседы? Будет ли тебе интересно это общение? Ты уже не в том возрасте, чтобы тебе было достаточно исключительно молодого тела. В конце концов, разве не по этой причине ты столько лет встречался с Илоной? Я уверен, что, пообщавшись с Настей, ты очень быстро разочаруешься и всё встанет по своим местам.

– Да, думаю, ты прав. Спасибо за дельный совет, Борь, ты настоящий друг.

Я поднимаюсь, и мы коротко обнимаемся на прощание.

Уже дойдя до самой двери, я притормаживаю и, не оборачиваясь, спрашиваю:

– А если нет, Борь? Если не разочаруюсь? Если мне понравится это общение так же, как и сама Настя?

– Ты уже взрослый мальчик, Маркуша, – усмехается он.

– Думаю, мне не нужно тебе объяснять, что нужно делать с понравившейся девочкой?..

С трудом припарковавшись, я вздыхаю. Какого чёрта я творю? В преддверии нового года люди словно с ума посходили и скупают в предпраздничном ажиотаже целые тележки провизии и всякой ерунды, а я таскаюсь из магазина в магазин в поисках мороженого.

Это уже третий. Крупный гипермаркет. После первых двух сетевых магазинов. Вероятно, я окончательно сбрендил, но намерен сегодня найти фонарики, чего бы мне это не стоило.

Решительно захожу в хаотично снующую по залу толпу и отыскиваю холодильники, но здесь снова ждёт провал.

От злости хочется пнуть морозильный ларь. От этого спасает голос консультанта:

– Что-то конкретное ищите?

– Мороженое “Золотой фонарик”.

Девушка заныряет куда-то в недра камеры, ловко раскладывает мороженое по местам и вскоре извлекает небольшую коробку.

– Нашла! – улыбается она мне.

– Вы просто моя спасительница! – усмехаюсь я. – Спасибо.

– Да не за что! Сколько вам штук?

Я задумываюсь.

Коробка кажется небольшой. С одной стороны, проще

взять с запасом, с другой – кто-то обнаружит в морозилке запас мороженого, и это непременно вызовет подозрения, которые я пока не готов комментировать.

– А может, у вас ещё продаются какие-то портативные морозильные камеры? – задумчиво протягиваю я. – Компактные такие... Размером примерно с эту коробку, чуть больше?... Было бы идеально, ведь тогда я смог бы взять сразу всю упаковку мороженого.

– Пойдёмте посмотрим, – предлагает консультант. Я киваю, и она уверенно ведёт меня через весь зал, лавируя между людьми.

Итак, через два часа очередей, пробок и светофоров я паркуюсь во дворе дома, привычно глядя в окна мансардного этажа.

Свет горит, а Насти не видно. Машины Илоны тоже нет, но на это мне плевать. Я достаю из багажника коробку размером примерно с микроволновку и тороплюсь занести в дом.

Экономка не встречает, поэтому я беспрепятственно поднимаюсь по лестнице и оставляю коробку под дверью. Быстро спускаюсь, скидываю пальто и туфли, переодеваюсь в домашнюю одежду, тщательно мою руки. Для верности умываю лицо. И снова поднимаюсь на мансарду.

Коротко постучав в дверь, тихо говорю:

– Настя, это я.

Дверь моментально распахивается. Словно она стояла тут всё время с момента нашей прошлой встречи, Настя взирает

с любопытством.

– Здравствуйте!

– Здравствуй, Настенька. – вежливо говорю ей.

Сегодня она принарядилась. Вместо вчерашней пижамки на ней джинсовый сарафан и яркая футболка. Я бегло осматриваю длинные стройные ноги, и Настя поджимает пальцы босых ног.

– Смотри, что у меня тут! – заговорщицки подмигивая, киваю на коробку. – Недельный запас мороженого!

– Ой! – забавно округляет она глаза и прикладывает к щекам ладошки. – Оно же растает!

– Я всё продумал, не переживай! – успокаиваю её и подхватываю коробку. – Нам нужен укромный уголок и розетка или удлинитель. Давай, показывай, Настя, куда мама особо не заглядывает!

Девушка на мгновение задумывается, а потом манит меня вглубь комнаты, в дальнюю её часть, где расположен уголок для творчества. Ловко переставляет холсты, освобождая место в углу.

– Такой уголок подойдёт?

– Думаю, отлично подойдёт, молодец! – хвалю её, и девушка заливается румянцем.

Она мнётся рядом, пока я, стараясь не отвлекаться на вид прекрасных ножек, устанавливаю морозильную камеру. Внутри лежит производственная коробка с мороженым, обложенная пакетиками со льдом, и я надеюсь, что фонарики

не сильно подтаяли и потеряли свою форму.

Когда с подключением покончено, я спрашиваю:

– У тебя есть канцелярский нож?

– Да, конечно. Секунду, – говорит Настя и бросается к письменному столу. При этом её вихляющие бёдра привлекают мой взгляд.

Передав мне нож, девушка с любопытством заглядывает в камеру, склоняясь ближе, чтобы получше разглядеть, что я делаю. Ворот её футболочки оттопыривается. Перед моим взором открывается вид на аккуратную округлость груди под белым кружевом.

Засмотревшись на эту чарующую картину, я режу на ощупь и чиркаю тонким лезвием по пальцу.

– Вот же чёрт! – шиплю сквозь зубы, мгновенно переключая внимание на начавшую сочиться кровь.

Настя берёт ручонками мою руку и, пока я непонимающе смотрю на неё, наклоняется, стремительно обхватывая мой палец губами. Он утопает в жаркой влаге её рта, толкается внутрь, упираясь в шершавый горячий язык.

Настя *сосёт*. Чёрт!.. Простреливающее желание заставляет окрепнуть мою плоть за каких-то жалких полоборота.

Во все глаза смотрю на девушку, совершающую эти восхитительные посасывающие движения своим ртом, и молюсь всем богам, лишь бы это не прекращалось. Что бы это ни было, пожалуйста, пусть продолжается как можно дольше!..

Стоящий колом член причиняет дискомфорт, и я переба-

рываю желание обхватить его ладонью и подрочить.

Столь же стремительно Настя отстраняется.

– Вот и всё, – звонко говорит мне. – Если пососать, всё быстро проходит!

Мои мысли сейчас далеки от всяких ранок, крови и прочих житейских проблем. У меня есть ещё одна небольшая сложность, легко решаемая тем же способом!..

– Я всегда так делаю, когда у меня берут кровь из пальца! – бесхитростно сообщает Настя, которая даже не догадывается о моём желании применить её роскошный рот и навык сосания во вполне конкретном русле.

– Молодец, хорошая девочка, – хриплю я. – У тебя отлично получается. А теперь скушай мороженое, не зря же я его так героически для тебя добывал!

– Составите мне компанию? – предлагает она, подхватывая из коробки два фонарика. – А то мне будет неловко есть его одной, я ведь поэтому и просила вас принести две штуки!

– Да я не особо люблю сладкое, – отмахиваюсь я.

Только таких *сладких* малышей. Соберись, Марк!

– Ну пожалуйста! – протягивает Настя, заглядывая мне в лицо. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Её губки складываются бантиком, в сияющих глазах застывает мольба, и она говорит:

– Так хочется представить хоть на миг, что я сижу где-то в кафе и беспечно болтаю с другом, поедая мороженое!..

– Хорошо, – обречённо выдыхаю я.

Осуществить одну маленькую мечту этой девочки мне вполне по силам. Тем более, что устоять перед этим просящим взглядом, полным надежды, просто нереально.

Я поднимаюсь, незаметным для неё движением поправляя хозяйство в штанах, и протягиваю ей руку.

– Ну тогда води меня за наш импровизированный столик, маленькая хозяйка этого уютного кафе!

Настя доверительно вкладывает ручку в мою раскрытую ладонь, и я тяну её вверх, ставя на ноги.

Её лицо так близко к моему, что нужно лишь немного наклониться, чтобы коснуться губами её губ. Но ещё не время.

Да и придёт ли это время? Прав ли окажется Борис, что моя внезапная поверхностная страсть рассеется, когда окажется, что под красивой оболочкой ждёт одна лишь пустота?

Глава 4

Он

Не придумав ничего лучше, Настя расстилает на полу пушистый плед и сбрасывает подушки.

– Я в интернете видела, что такие кафе тоже бывают! – фыркает она, хотя я ничего ей не говорю.

Стул в комнате один, впрочем, есть ещё мягкое кресло. И кровать. По понятным причинам её кровать – последнее место, где мне стоит бывать.

Мы устраиваемся на пледе. Настя ловко расправляется с золотистой упаковкой и начинает смаковать мороженое, пока я аккуратно раскручиваю самый краешек.

– Часто зависаешь в интернете? – спрашиваю, не представляя, о чём с ней говорить.

Всё больше склоняюсь к мысли, что Борис был прав: она слишком молода, слишком неопытна.

– Ой, ну я большую часть жизни учусь онлайн, постоянно что-то нужно по учёбе. Плюс интересно же, что в мире происходит! Вот и смотрю, как живут другие люди.

– Ты совсем-совсем нигде не бываешь? – уточняю у неё осторожно.

– Раз в несколько месяцев мама отвозит меня в больницу. Меня осматривает врач, берёт анализы, словом, ничего интересного. Потом сразу домой возвращаемся. Но даже эти

поездки меня сильно изматывают, поэтому...

Она замолкает. Подносит мороженое к губам, складывает их в идеально-округлую букву “о” и обсасывает фонарик, взяв целиком в рот. А девчонка-то любительница пососать!..

Чёрт!.. Нельзя думать о подобных вещах.

– Почему ты выбрала профессию графического дизайнера? – задаю следующий вопрос, чтобы отвлечься и отвлечь.

– Во-первых, мне нравится рисовать, думаю, это должно быть очевидно. – улыбается она. Губы перепачканы пломбиром – так бы и съел! – Как-то глупо выбирать ненавистную работу, чтобы потом мучиться всю жизнь. Во-вторых, я выбирала из удалённых профессий. Мне нужно было что-то, что полностью исключает личные встречи и посещения офиса. В-третьих, я хотела иметь возможность начать зарабатывать сразу, ещё в процессе обучения. Ну и работа на себя кажется мне весьма комфортной. Я сама строю свой график. Есть время и на учёбу, и на личные интересы. Почему нет?

– Действительно, – протягиваю я. – Ты очень рассудительна для своих лет.

– Наверное, это потому, что мне пришлось повзрослеть гораздо раньше, чем многим в моём возрасте. – пожимает плечами девушка. – Из-за болезни я всю сознательную жизнь должна была контролировать себя, своё состояние, вовремя принимать лекарства. Мама постоянно работала, поэтому я, сразу как мне поставили диагноз, осталась фактически наедине со своей болезнью. Я плохо помню самое начало. Сна-

чала умер папа, а потом как-то быстро всё закрутилось. Мама начала водить меня по врачам, потом меня положили в больницу. И вот я лежу одна после операции, а медсестра кричит, что мне надо начинать ходить, мол, утку за мной выносить некому и жрать мне в палату носить никто не будет... Вот и пришлось быстренько учиться самостоятельности.

Я испытываю противоречивые чувства. И, чтобы их не анализировать, спрашиваю:

– Мама тебя не навещала в больнице?

– У нас никого не было, папа же умер, – говорит Настя. – Мама работала, навещала редко. К тому же, наверное, её не пускали первое время. По крайней мере, сразу после операции точно не пускали. Но я даже не успела испугаться или подумать, что что-то не так... Многие дети, начиная со школьного возраста, лежат в больницах без родителей.

– Понятно. – протягиваю я. – Жаль, что с тобой так произошло.

Настя касается пальцами моей руки. Словно нежно гладит. Спина покрывается мурашками, мошонка сжимается в сладостном предвкушении...

– Не нужно меня жалеть, Марк. Жизнь, даже такая, как у меня, одна. И я ценю каждый её миг. Я давно уже не унываю, привыкла. И даже нахожу много плюсов.

“Это не жалость”, – хочу сказать ей, но все слова застряли где-то в районе солнечного сплетения. Разве справедливо, что такая красивая, яркая, сексуальная девушка, которой

только жить да жить, вынуждена существовать заложницей своей болезни?

– Договорились? – очаровательно улыбаясь, спрашивает Настя. Я потерял суть разговора, но киваю. – Вот и чудно, что вы не станете меня жалеть.

Ах, вот она о чём!

– Значит, ты весьма довольна своей жизнью, – с сомнением протягиваю я, осматривая комнату.

– То, что мне доступно, приносит удовольствие, – пожимает она плечами. – Я делаю то, что мне нравится, читаю книги, какие я хочу читать, смотрю фильмы, какие хочу смотреть. Я сама окончила школу с золотой медалью и экстерном сдала экзамены. Сама поступила в зарубежный университет с лучшей дистанционной программой обучения. Сама зарабатываю – не миллионы, конечно, но на свои хотелки у мамы давно не прошу. У меня есть друзья – мои однокурсники. Мы общаемся по скайпу, делаем конференции-вечеринки, шутим, смеёмся и танцуем. Я не какой-то социофоб. Я даже “посещаю” музеи и выставки по всему миру, если у них на сайте есть виртуальный путеводитель. – Девушка победно улыбается, поглядывая на моё вытянутое от удивления лицо. – И, конечно, я очень много “путешествую” по разным уголкам планеты, просматривая посты и истории миллионов живых людей в соцсетях. Это довольно увлекательно. Я не из тех, кто вешает нос и утопает в жалости к себе. Если я больна, это ведь не значит, что я должна забить

на себя и не интересоваться ничем вокруг.

– Браво, Настя. Я восхищён, – ничуть не лукавлю я. – Большинство известных мне людей более старшего возраста не столь мудро используют отведённое им время, попросту прожигая свою жизнь.

– Думаю, это оттого, что у них есть это время, – деликатно замечает она. – Когда каждую минуту невольно ждёшь смерти, начинаешь ценить каждое отведённое мгновение. Всё иначе... По другому мыслишь, об ином мечтаешь, иначе чувствуешь. Очень сложно передать словами, но я смотрю странички своих ровесников, бывших одноклассников, например, и не представляю, как тусила бы ночами напролёт, прогуливала бы пары, заваливала бы сессии... Разве потом *это* будет важно? Разве потом будешь вспоминать о ста парнях? У них есть все возможности путешествовать, заниматься чем-то интересным, вроде катания на санках, лыжах или коньках, гулять по улицам города, пойти в поход в лес или уехать в горы... Словом, наполнить свою жизнь прекрасными воспоминаниями, ведь никогда наверняка не знаешь, что ждёт завтра. Когда я была маленькой, ещё до диагноза, по субботам папа водил меня в парк культуры и отдыха, покупал мне мороженое, фонарик, или сахарную вату, и мы катались на каруселях. Может, знаете, с такими красивыми лошадками? Это была моя самая любимая карусель. Когда папа умер, а я заболела, точнее, мы узнали о болезни, я часто вспоминала, как сидела верхом на белой лошади с розовой

гровкой, как пригревало солнце, как лёгкий ветер щекотал лицо. Не то, как бегала с подружками во дворе, вспоминала, понимаете, не как дурачилась в школе? Как каталась на карусели. И мне иногда грустно, что я так многого не могу сделать, увидеть, попробовать, почувствовать в силу ограничений, а люди, у которых есть для этого все возможности, тратят время на глупости.

Я вовсе не святой. И тоже тратил и продолжаю тратить время на глупости. Но речь девушки переворачивает что-то в душе, цепляет за чувства. Сердце сдавливают от горечи за её мечты – такие наивные, чистые, светлые, понятные, доступные.

– Думаю, я понял тебя, Настя. С твоей стороны всё действительно выглядит иначе.

– Ой! – неожиданно испуганно говорит девчонка. – Ну вы же не думаете, что я ною и занудно поучаю жизни? Просто я так редко с кем-то вживую общаюсь, что не представляю, как себя нужно вести.

Я мягко смеюсь:

– Разве не важно всегда оставаться, в первую очередь, собой? Ты приоткрыла мне свои мысли, показала, как и чем живёшь, и это прекрасно, правда. Ты замечательный человек, Настя. Многим стоило бы у тебя поучиться.

– Да? Ну слава богу! – Она застенчиво улыбается. – Страшно обидеть вас. Боязно, что больше не придёте.

Смотрит на меня с надеждой, с большими ожиданиями,

и мне становится не по себе. Хочется стать грёбаным волшебником, чёртовым Гудвином, чтобы как-то исправить всё. Чтобы исполнить её мечты.

Но пока я могу дать ей лишь одно.

– Не говори глупостей! Конечно, приду. Буду и дальше навещать тебя. И если тебе что-то нужно будет достать в магазине и привезти из города, то ты можешь смело обращаться ко мне. Давай-ка свой телефон, – прошу у неё. Она без жеманности и страха протягивает мне свой смартфон. И даже сама снимает блокировку. Я вбиваю свой номер и кидаю гудок себе на телефон, чтобы сохранить в памяти её номер. – Вот. Так то лучше! Пиши, звони в любое время. Даже если тебе будет просто скучно.

– Хорошо, – веселеет девушка. И тут же всплескивает руками. – А что же вы мороженое не едите? Растает ведь!

Ещё некоторое время я провожу в её комнате, слушая бесхитростные рассказы Насти о жизни и планах, и всё больше понимаю, что девушка скучает без общения. Сейчас она расцветает и трещит без умолку. И мне нравится её слушать. В ней столько жизни, столько света, сколько мне ещё не приходилось встречать ни в одном человеке.

Но рано или поздно всё заканчивается. И время моего пребывания в запретной зоне без риска быть обнаруженным Илоной тоже.

Я бросаю взгляд на часы, и это не укрывается от взгляда девушки.

– Вам уже нужно идти?

– Да. – киваю я, испытывая сожаление. – Не думаю, что твоей маме понравится, что я вторгаюсь в твоё пространство...

– А если мы не скажем маме? – лукаво усмехается она, прикусывая нижнюю губу. Искушает, не иначе. И я почти искушен.

– Значит, это будет наш секрет? – спрашиваю, изгибая бровь дугой. Она кивает. – Хорошо, Настя. Тогда мне лучше пойти вниз, пока мама не вернулась.

– Разве вы не знаете? – удивляется девушка. – Мама не предупредила, что не приедет, так как ложится в клинику на несколько дней?

Чуть хмурюсь. Не предупредила.

Я, конечно, безусловно, понимаю, что Илона привыкла быть сама себе хозяйкой, но её привычка не ставить меня в известность о своих планах начинает порядком раздражать.

– В таком случае, Настя, у меня есть великолепная идея, – отбрасывая все размышления в долгий ящик, говорю девушке. – Я раздобуду нам ужин и вернусь, а ты пока выбери, какой фильм мы будем смотреть.

Настя довольно улыбается и часто кивает головой. Смотрит на меня так, словно я супергерой и совершаю настоящий подвиг. Забавная. Разве ж я делаю что-то особенное, невероятное?

Спустившись в кабинет, я прикрываю дверь и набираю но-

мер Илоны. Она отвечает примерно после седьмого гудка:

– Марк, дорогой, привет. Ты дома?

– Я-то дома. – подтверждаю я. – А вот где ты, моя прелесть? Тебя снова не ждать к ужину?

– Прости, дорогой. Я забыла тебе сказать, что вынужденно легла в больницу. – Голос слабый и тихий. Почти покорный. Но это не отменяет её забывчивости. – Небольшая косметическая процедура по женской части дала малюсенькое осложнение. Один из швов разошёлся, ничего критичного, но врач настоял на госпитализации до полного восстановления.

– Господи, Илона! – стону я в трубку. – Я же говорил, что глупости всё это. А теперь ты страдаешь из-за собственного безрассудства.

– Когда я восстановлюсь, ты поймёшь, что это никакие не глупости. – обиженно фыркает она. – Многие прогрессивные женщины делают подтяжку мышц, чтобы порадовать своего мужчину страстным сексом и тугой киской.

– Ложиться ради этого под нож немного перебор, – вздыхаю я. – Есть же всякие курсы типа “Волшебной вагины” или упражнения Кегеля. Ладно, что сделано, то сделано, лишь бы ты теперь скорее поправилась. Тебя навестить? Что-то привезти?

– Нет, Марк. Спасибо за предложение, но мне несколько дней запрещено вставать во избежание повторных разрывов. Не хочу, чтобы ты видел меня в таком состоянии.

Я молча проглатываю рвущееся замечание. Мы собираемся пожениться, съехались, чтобы жить вместе, а она не хочет, чтобы я видел её на больничной койке?..

– Ладно, но если тебе что-то понадобится... – начинаю я.

– Конечно, Марк. – перебивает Илона. – Ты будешь первым, кому я позвоню. Люблю тебя, дорогой. Ужинай и отдыхай, за меня не волнуйся. И не скучай. Не успеешь оглянуться, как я уже вернусь домой.

Повесив трубку, я усмехаюсь. Уж скучать мне точно не придётся!..

Иду в кухню. Зоя Павловна всю что-то кашеварит и даже не замечает моего вторжения.

– Добрый вечер! – гаркаю я, и женщина подпрыгивает.

– Здравствуйте, Марк Александрович. Что ж вы так подкрадываетесь?

– Ужин готов? – спрашиваю, опуская негодование по поводу её замечания.

– Чего желаете? Я приготовлю для вас. Дело в том, что хозяйки не будет несколько дней, у Насти своё сбалансированное меню...

– Скажите, Зоя Павловна, питание девочки особенное из-за лечения? – уточняю у неё.

– Нет, скорее, диетическое, – вздыхает женщина, недовольно поджимая губы. – Сидит постоянно, вот мать и боится, как бы жиром не заплыла. Для здоровья вредно.

– Отлично! – потираю я руки. – Тогда на сегодня вы сво-

бодны, я закажу ужин из ресторана.

– Как пожелаете. Тогда я отнесу Настасье ужин и буду у себя, – отвечает экономка.

– Нет. Вы, видимо, не поняли. Вы свободны на сегодня, – повторяю я. – Мы с Анастасией поужинаем едой из доставки.

– Но... – протягивает Зоя Павловна. Я надвигаюсь на неё, сдвигая брови. Уже готовлю пламенную речь, но она обречённо выдыхает: – Как вам будет угодно, Марк Александрович.

– Если Илона Дмитриевна поинтересуется питанием дочери...

– Я скажу, что всё как обычно. – понимает она с полуслова.

– Прекрасно, Зоя Павловна! – хвалю её. – Люблю, когда мои сотрудники компетентны. В следующий выезд в город по магазинам побалуйте себя обновлением гардероба. Будем считать это вашим новогодним подарком от меня лично, помимо премии.

Я подмигиваю женщине и убираюсь с кухни. Взбегаю по лестнице и стучу в Настину дверь, которая распахивается спустя мгновение.

– Привет. – улыбаюсь я девушке. – А вот и я.

– Привет, – сияет она в ответ, и я переступаю порог, испытывая незнакомый трепет и нетерпение.

Глава 5

Он

Неожиданно улыбка Насти гаснет.

– А ужина, что же, сегодня не будет? – протягивает она немного обиженно.

– А тебя часто не кормят? – спрашиваю в шутку. Отчасти.

– Ну что вы! – закатывает она глаза. – Всегда кормят. Но я люблю вкусности, а не паровые котлеты, а вы меньше всего похожи на человека, кто стал бы есть паровые котлеты, вот я и понадеялась...

– Тогда можно считать, что сегодня тебе очень повезло, – перебиваю я эту тараторку. – Паровые котлеты отменяются. Сегодня у нас будет вечер ресторанной еды. Выбирай, что хочешь, закажем доставку и максимум через два часа будем ужинать какими угодно вкусностями.

– Что, правда?! – округляет она глаза. – Всё, что захочу?

Посмеиваясь, я открываю приложение на телефоне и предлагаю:

– Бургеры? Пицца? Суши? Вок? Паста? Пироги? Шашлыки? Рыба? Мясо? Устрицы? Морепродукты? Что ты любишь?

У меня самого нет подходящих идей. Да и слишком хочется ей угодить, поэтому не возьмусь оформлять заказ без главной виновницы торжества.

Настя осторожно делает шаг ко мне. Ещё один. И ещё один.

– Ох! Сложный вопрос. – говорит она, заглядывая в экран. – Я почти ничего из этого не ела! Может, вы лучше выберете на свой вкус?

Девочка ни разу неискушенная. Ничем и никем.

Чувствую себя котом, почуявшим сметану, благо, хоть не облизываюсь. Я *знаю*, как быстро искусить любую. Совратить. Уболтать. Затащить в постель. Выбор ресторана и блюд в этом мире давно уже стал частью прелюдии. Красивое место, оргазмически вкусное блюдо, вино, вызывающее головокружение, будоражащая игра страсти. Это всё не ново.

Но сейчас всё – совершенно всё – иначе.

Поразить Настю мне хочется. И доставить ей удовольствие. Угодить, если угодно. Порадовать. И это никак не связано с плотскими утехами.

– Дай-ка подумать! – наигранно протягиваю я и чешу голову. – Аллергии у тебя нет?

– Мне для полного счастья аллергии не хватает! – смеётся Настя.

Её тёплое дыхание, тщательно сдерживаемое, контролируемое, касается моего лица. Она пахнет чем-то сладким, сливочным. Не сразу до меня доходит, что пломбиром. И самую малость – молочным шоколадом.

– Тогда предлагаю заказать что-то из японской кухни. Уверен, тебе понравится. – Кликаю на вывеску приличного

ресторана и протягиваю телефон Насте. – Выбирай, какие картинки кажутся тебе наиболее аппетитными!

С усмешкой наблюдаю, как она рассматривает фотографии блюд и отправляет что-то в корзину. Дополняю заказ ещё несколькими вариантами и оформляю. Всё. Теперь остаётся только ждать.

На время ожидания доставки Настя включает фильм. Я немного удивлён выбором: она совершенно не похожа на любительницу психологических триллеров. Но вопреки моим прогнозам девушка сосредоточенно смотрит на экран, изредка делясь со мной предположениями.

В моменты довольно откровенных сцен я с любопытством наблюдаю за её реакцией. Пока герои на экране занимаются сексом, Настя чуть подаётся вперёд и безотрывно смотрит на сие действие. Девочка она уже не маленькая, хоть и слишком молодая. Многие другие в её возрасте уже давно ведут активную половую жизнь, а она сидит здесь одна-одинёшенька. Но ведь это не значит, что её тело не испытывает никаких потребностей. Посему тайное наблюдение за девушкой приносит мне удовольствие.

Настя скрещивает вытянутые ноги в лодыжках и едва заметно напрягает бёдра. На щеках появляется румянец. Она рвано вздыхает и закусывает губу.

Я представляю, как её сморщенные напряжённые соски упираются в чёртово кружево белья, как влажно в её трусиках, и член наливается кровью. Испытывая дискомфорт от

оглушающего возбуждения от простого наблюдения за девицей за просмотром сексуальной сцены, а не от этой пресловутой сцены, я немного смещаюсь, чтобы прикрыть явный бугор в штанах, и Настя отвлекается и смущается, словно только сейчас вспомнила, что я рядом.

От неловкости избавляет звонок курьера, а когда я возвращаюсь с огромными сумками из ресторана, на недавний интригующий инцидент больше нет никаких намёков. Морок желания выветрился из комнаты, а на экране телевизора уже красуется заставка старой комедии, где, насколько мне помнится, не будет ни одного провокационного момента.

– А вот и ужин, Настя, – протягиваю я, подмигивая девушке. – Да будет пир!

– Ура! – счастливо выкрикивает она, хлопая в ладоши. – Наконец-то!

Выставив прямо на плед контейнеры с едой, я разливаю по мисочкам соевый соус. Настя озадачено изучает ряды суши и роллов, явно не понимая, как к ним подступить.

– Сейчас, – говорю ей. – В одной из сумок должны быть салфетки и палочки.

Отвернувшись, заглядываю в каждую сумку и по закону подлости нахожу приборы в самой последней. Поздно спохватываюсь, что нужно было прихватить для Насти вилку.

Однако, повернувшись, вижу, что она и сама справилась с решением этой задачи.

Сжав ролл двумя пальцами, Настя виновато, но задорно

смотрит на меня.

– Вы же не будете против?.. – спрашивает она. – Я палочками не умею, но ведь это совсем не обязательно, правда?

– Тебе можно всё, что хочешь, – улыбаюсь ей. – Пробуй.

Она осторожно надкусывает ролл и медленно жуёт. Я даже дышать перестаю – по совершенно непонятным причинам.

– Вкусно! – заключает девушка, поднимая на меня взгляд голубых бездонных озёр глаз. Сейчас в них плещется восторг, и я осознаю, что ждал её вердикта, так мне хотелось доставить ей удовольствие.

– Тогда давай ужинать, – говорю ей, расслабляясь и усаживаясь рядом.

Настя кликает на кнопку воспроизведения, и мы приступаем к поздней трапезе.

Пока я орудую палочками, девушка ест прямо руками, игнорируя салфетки, соус, васаби, имбирь. Я подхватываю очередной ролл, окунаю в ванночку с соусом и подношу к губам Насти.

– Попробуй так, – говорю тихо. Наши взгляды пересекаются. В её глазах – любопытство, интерес, самую малость смущённость и никакого страха. Мне кажется добрым знаком, что её не пугает моё присутствие.

Настя аккуратно прихватывает губами ролл, и я подаю ей имбирь.

– Вкусно? – спрашиваю у девушки.

Она тщательно пережёвывает и лишь потом отвечает:

– Очень. Но вот эта штучка мне понравилась больше.

Она ловко цепляет ролл с угрем, макает в соевый соус и протягивает мне с милой улыбкой. Я медленно приближаю лицо к её руке и забираю еду. Но девушка берёт лепесток имбиря и подносит к моим губам. Вбирая его в рот, я намеренно касаюсь языком тонких пальчиков, жадно слизывая с них и сам имбирь, и вкус её кожи.

От прикосновения горячего языка Настя тихо вздыхает. С затаённым интересом я коротко посасываю её пальцы, прежде чем выпустить из рта. Зрачки девушки расширяются, заволакивая небесный цвет радужной оболочки. Тактильная девочка, хорошая, отзывчивая.

– Спасибо, действительно, эти вкуснее. – протягиваю я. – Пожалуй, вкуснее и не ел никогда до этого.

Настя заливается очаровательным румянцем и тихо лепечет:

– Ну уж, будете преувеличивать! Наверняка бывали в таких ресторанах, где гораздо вкуснее блюда подают!

– Бывал, конечно. Но никогда прежде меня не кормила с рук столь прекрасная особа. – отвечаю ей. Я флиртую, и меня несёт. Я и сам это прекрасно понимаю, но остановиться уже не могу. – Ты, Настя, из тех женщин, у которых мужчины и яд с рук за милую душу жрать будут. Только т-с-с, – я быстро прикладываю палец к губам. – Никому не говори, что я тебе раскрыл этот маленький секрет. Пусть это останется между нами. Обещай, что никому никогда не признаешься,

что теперь знаешь.

– Знаю – что? – любопытствует Настя.

– О своей женской силе и власти над мужчинами.

– Скажете тоже! – фыркает она, закатывая глаза. – Власть над мужчинами! Где бы ещё нашлись эти мужчины! Сижу здесь безвылазно...

– Ну, а как же я, Настенька? – усмехаюсь в ответ. – Вроде как, тяну на самого заваливающегося мужчинку, а?

Она округляет глаза и, кажется, теряется с ответом. Я подхватываю ролл и обмакиваю в соусе.

– Хочешь? – спрашиваю, поднося к губам девушки. Она открывает рот, касается ролла, но я быстро отвожу руку и съедаю его сам. – Ой! Не успела!

– Эй! – возмущается Настя. – Вообще-то так не честно!

– Да? Ну прости меня, обещаю исправиться. – усмехаюсь я. Беру запечённый ролл и подношу к Насте. – Кушай на здоровье.

Она быстро выхватывает его из палочек.

– Шпашибо, ошень фкуфно, – говорит с набитым ртом.

Я улыбаюсь. На её губах остался соус, и я снимаю его, проводя большим пальцем по мягким пухлым губам.

Настя перестаёт жевать. Даже дышать перестаёт, кажется. Я медленно приближаюсь, нависая над ней.

Нестерпимо хочется поцеловать Настю. Ни капли спиртного в организме, а я словно пьян.

– Я ещё хочу, – шепчет она. – А вы?

– И я, – выдыхаю ей в лицо, снова обводя губы девушки пальцем. Она смотрит удивлённо, чуть настороженно, и я подмигиваю ей. – Измазалась, Насть. Уже всё чисто.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Всегда рад помочь.

Оглаживаю пальцами её кукольное личико. Вот сейчас отличный момент, чтобы накрыть её губы губами, сорвать первый в её жизни поцелуй. Он будет моим, теперь я в этом не сомневаюсь.

– Так что, можно мне продолжить ужинать? – спрашивает Настя. В её голосе впервые прорезаются нервные нотки, и я отступаю.

“Слишком молодая. Слишком неопытная. – напоминаю себе. – Не торопись, Марк, передавишь, испугается, замкнётся. Чем дольше ожидание, тем слаще награда.”

– Да, давай уже нормально поужинаем. – говорю ей. – По-дурачились, и хватит.

Постепенно Настя успокаивается, перестаёт осекаться. Мы продолжаем есть и смотреть краем глаза телевизор. К концу фильма девушка облокачивается спиной на кровать и выглядит ослепевшей.

– Устала? – спрашиваю у неё.

– Есть немного, – слабо улыбается она, подавляя зевок.

Время давно за полночь, поэтому вовсе не удивительно.

– Сейчас я всё приберу и оставлю тебя, будешь отдыхать.

– А если мне не хочется, чтобы вы уходили?

Я перекладываю оставшиеся роллы в одну коробочку, остальное отправляю в пакет, чтобы выбросить. А закончив с этим, подсаживаюсь к девушке.

– И что же ты предлагаешь? – протягиваю я. Она пожимает плечами. – Хочешь, я посижу с тобой, пока ты не заснёшь?

– Хочу.

– Тогда ложись баиньки, – улыбаюсь ей.

Настя скрывается в ванной на несколько минут, а я проверяю телефон.

Сообщение от Илоны. Отправлено два часа назад.

“Не скучаешь?”

Не скучаю. И вряд ли это возможно. Настя просто прелесть. От неё буквально невозможно оторваться. А я ведь даже толком и не распробовал её.

Девушка появляется из дверей в розовой пижамке. Короткие шортики едва прикрывают зад, а под просторной рубашкой угадываются очертания стройной фигуры и упругой груди.

Настя быстро юркает под одеяло, прячась от моего ненасытного взгляда. Я сажусь вполоборота, лицом к ней.

– Хотите, ещё фильм посмотрим? – шипящим шёпотом спрашивает она у меня.

– А как же ты будешь, в таком случае, спать?

– Не хочу спать, – еле слышно шелестит она. – Ведь тогда вы уйдёте...

Она крепко зажмуривается. Я осторожно беру её за руку.

– Я вернусь завтра, Настя. Тебе нечего бояться. Я никуда не денусь.

Она приоткрывает глаза.

– Обещаете?

Я киваю:

– Обещаю. А теперь спи. Спокойной ночи, Настенька.

– Спокойной ночи, Марк, – отзывается девушка.

Она ещё несколько раз зевает, крутится, укладываясь поудобнее, а потом всё же затихает. Некоторое время я смотрю на неё спящую. Красавица. Удивительная, поразительная красавица. Трогательная, нежная, хрупкая. Настоящая куколка. Девочка, танцующая в музыкальной шкатулке. Зачарованная принцесса, которую мне хочется расколдовать.

Я приглушаю свет и убираюсь из спальни, чей порог и переступать не должен был. И которую мне совсем не хочется покидать. Наскоро принимаю душ, приводя мысли в порядок.

В голове рождается столько планов – на завтра и на ближайшее время, что я долго лежу без сна.

А утром едва просыпаюсь под трель будильника. Виски нещадно ломит от головной боли, горло дерёт, тело бьёт озноб. И всё это слишком похоже на признаки ОРВИ...

Чёрт!

Глава 6

Он

– Боря, у меня ЧП! – бросаю в трубку, едва друг отвечает на мой звонок. – Я весь вечер провёл с Настей, а сегодня проснулся с явными признаками простуды или даже гриппа.

– А от меня ты чего хочешь? – уточняет он.

– Борь, не тупи! Ты же врач! – взрываюсь я. – Если я заболел в полной мере всего за ночь, то вечером я уже мог быть источником распространения бактерий?

– Мог, конечно. – вздыхает он. – Инкубационный период болезни может составлять от нескольких дней до нескольких часов. Сейчас самый сезон для вирусов, плюс всё чаще говорят о новом штамме гриппа с высокой и быстрой заболеваемостью.

– Что мне делать?

– Лечиться, что же ещё? – удивляется приятель.

– С девчонкой что делать? У неё же особая чувствительность к вирусам... – я поджимаю губы, злясь на самого себя. – Что, если ей станет плохо? Чёрт! Я должен позвонить Илоне и всё ей рассказать!..

– Если она заболеет, твоя Илона и так об этом узнает, – замечает Борис. – Незачем подставляться, когда для этого нет нужды.

– Ты с ума сошёл? – с обидой бросаю в трубку. Разве он

не понимает, насколько всё серьёзно? – У неё иммунодефицит. Любой чих грозит перерасти в смертельную опасность, а ты предлагаешь что? Просто ждать, заболит она или нет? Нужно предупредить болезнь. Илона наверняка знает, какие препараты нужны её дочери для профилактики после контакта с источником вируса.

– Я предлагаю тебе не пороть горячку, а для начала узнать у самой Насти о её самочувствии. – прерывает мою пламенную речь. – Или ты прямо горишь от желания рассказать Илоне, что тайком пробираешься в комнату её дочери?.. Ты же понимаешь, чем это чревато?

– Я понимаю, чем чревато наше общение с Настей, когда я мог её заразить.

– А мог и не заразить, Марк. – парирует Боря. – Она наверняка сидит на мощных иммуномодуляторах, ты не думал? Сам же сказал, что девушка выглядит здоровой. А Илона, узнав, что в доме появился источник вирусной инфекции, точно усилит защиту своей дочери.

– Илоны не будет дома несколько дней, – с досадой выплёвываю я.

– Так ты позвони и скажи ей, что заболел. Об остальном она позаботится сама. – вздыхает Борис. – Не говори ей, что провёл с Настей вечер, если не готов разгрести последствия.

– Боже, ну какие последствия? Наорёт она на меня – подумаешь! Не велика проблема!

– Готов прервать общение с Настей? Готов к тому, что

Илона съедет и заберёт свою дочь, что ты больше никогда не увидишь её? – стреляет он вопросами. – Молчишь? Ни хрена ты к этому не готов. Ты хочешь узнать Настю поближе, а не потерять доступ к ней из-за нелепого стечения обстоятельств. Это просто простуда, Марк. Пара дней, и всё пройдёт, я уверен. Предупреди Илону о болезни и дай ей самой решить вопросы заботы о своём ребёнке. Предупреди Настю, что мог её заразить, пусть следит за своим самочувствием более внимательно.

– Скажите, доктор, вы всем своим пациентам такое бы посоветовали? – язвлю я.

– А ты не мой пациент, – усмехается Борис. – Поэтому я тебе, как другу, советую не рубить всё из-за необоснованного страха, что заразил девушку. Ты не знаешь, насколько всё серьёзно и как Илона поведёт себя в ответ на такие откровения. Но и терять Настю ты пока не готов, так ведь?

– Так, – вздыхаю я.

– Вот и решай проблемы по мере их поступления. – заключает приятель. – Ответственность – это прекрасно, Марк. Но не путай ответственность с отчаянной глупостью. Ты не заставлял Настю впускать тебя в комнату. Она точно осознавала все риски, открывая для тебя двери. Ты не можешь предполагать реакции своей бабы на то, что нарушил данное ей слово и начал общаться с её дочерью за её же спиной. Уверен, что признание будет того стоить? Или желаешь потянуть время, чтобы не упустить возможность общения с Настей?

Ещё раз повторюсь, Марк. Думай головой, тщательно анализируй *свои* чувства, а не навязанную обществом модель поведения. Прогнозируй последствия каждого принятого решения, прежде чем что-то делать. У тебя это прекрасно получается в бизнесе, так почему в отношениях ты столь импульсивен и подвержен бездумным действиям?

– Потому что отношения – это слишком тонкая и сложная материя? – ухмыляюсь я своим мыслям. – Я был уверен, что хочу жениться на Илоне, но, когда встретил её дочь, всё запуталось. Больше я ни в чём не уверен.

– Представь, что Илона – это поставщик, с которым ты сотрудничаешь много лет, и это сотрудничество тебя полностью удовлетворяло. Но на пороге заключения важной сделки ты встречаешь другого поставщика, с более интересными для тебя условиями, но абсолютного новичка на рынке. Менять проверенного партнёра на нового, пусть и с интересными условиями, рискованно, Марк, поэтому ты будешь взвешивать все “за” и “против”, не разрывая отношений со старым поставщиком, но и не отпуская нового, пока не примешь окончательное взвешенное решение, которое будет тебя удовлетворять, так?

– Ты слишком хорошо меня знаешь, – вздыхаю я. – Конечно, я бы так и поступил.

– Ты так и поступишь, Марк, – поправляет Борис. – Разберёшься в том, что и к кому чувствуешь, чего ждёшь от отношений и хочешь по жизни. Взвешенное решение, Марк.

Нельзя просто так говорить старому поставщику, что встретил кого-то нового и теперь всерьёз размышляешь о смене партнёра, хотя ещё вчера собирался подписать пожизненный контракт.

– Ты отвратительный врач, – смеюсь я. – Ты не препятствуешь возможным изменам своих пациентов. Разве ты не должен говорить, что нужно завершать старое, прежде чем начинать что-то новое?

– Где ты этого нахвтался? – гогочет он. – По статистике очень мало людей в самом деле реально нуждаются в переменах. Многие просто переживают таким образом кризисы в отношениях, проблемы на работе, какие-то личностные комплексы. Но я не могу сказать прямо в лицо: “Чувак, ты чувствуешь, что стареешь, поэтому хочешь изменить жене со своей студенткой.”, но я могу порекомендовать ему не торопить события, а принять взвешенное решение и помогаю понять, нуждается ли он в этих переменах.

– Значит, думаешь, это возрастное? – задумчиво протягиваю я.

– Нет, Марк. Знаю, что нет. Ты согласишься браку с Илоной, потому что не любишь её и не хочешь быть с ней на самом деле. Но и признавать мою правоту ты пока не хочешь, поэтому тебе необходимо пройти собственный путь к принятию этого.

Хочется возразить. Переспорить. В конце концов, не Борис ли накручивал меня с самого начала моих отношений с

этой женщиной?

Не то что бы я вёлся на все его разговоры, но что-то на-верняка отложилось на подкорках мозга и теперь вопит и порождает множество сомнений.

– Значит, придётся пройти, – тяжело вздыхаю я.

– Простое и удобное не всегда означает правильное, Марк. Ты много работал, и тебя устраивали необременительные отношения с Илоной. Это нормально. Как нормально и то, что ты испытываешь сомнения, что хочешь строить с ней нечто большее. Поэтому я прошу тебя: не гони коней. Пока у тебя есть время, разберись во всём.

– Спасибо, Борь. Так и поступлю, – говорю я и отключаюсь.

Следующий звонок делаю Насте. Она отвечает после первого же гудка.

– Доброе утро, Принцесса, – протягиваю я.

– Доброе утро, – отвечает немного застенчиво. – Что-то случилось? Почему вы звоните?

– Боюсь, у меня плохие новости. Я подцепил простуду или даже грипп.

– Как мне жаль! – торопливо проговаривает она. – Вам сильно плохо? Температура есть? Я попрошу Зою Павловну сделать вам наваристый бульон и заварить чай с травами, мёдом, лимоном и имбирём.

– Как ты себя чувствуешь? – перебиваю её. – Я боюсь, что мог тебя заразить.

– О-о-о, – протягивает она и замолкает. Словно разом теряет дар речи. Или сосредоточенно о чём-то размышляет.

– Настя, с тобой всё хорошо? – спрашиваю, когда тишина начинает напрягать.

– Да. У меня пока нет проявлений никаких симптомов, но они могут вспыхнуть в любой момент, – вздыхает она. – Спасибо, что сообщили, я приму предупреждающие меры.

– Создавать для тебя угрозу и причинять вред не входило в мои планы, прости меня. Я могу поговорить с твоей мамой...

– Не стоит, Марк. Всё в порядке, правда. Бороться с вирусами для меня не ново, ведь этим я занимаюсь всю свою жизнь.

– Наверное, мне не стоило нарушать твоё уединение, – предполагаю я, не решаясь произнести главное. Возможно, мне не стоит больше никогда подходить к ней?

– Это не ваша вина и не ваша ответственность. Вы же не специально пришли ко мне заболевшим, – успокаивает меня девушка. – Я прекрасно понимаю это. Как и понимаю, что рискую каждый раз, когда ко мне приходите вы, мама или Зоя Павловна, что рискую, покидая комнату, чтобы сходить на кухню. Что рискую в каждой поездке к врачу. Но это же не значит, что я должна отказываться от того, что мне нравится или что я должна делать, из-за страха заболеть. Вчерашний вечер прошёл просто идеально, мне никогда не было так хорошо, пожалуй, после смерти папы. Я благодарна, что

вы провели со мной столько времени. Неужели вы думаете, что я стану жалеть только потому, что с утра вы обнаружили, что больны, или откажусь от наших встреч, потому что это может повториться?

– Может, будет лучше, если ты запретишь мне приходить?

– Пока вы больны, нам действительно лучше соблюдать дистанцию, – грустно отвечает Настя.

Я поджимаю губы и вынуждаю себя сказать:

– Может, мне вообще не стоит больше приходить? Даже когда я поправлюсь?

– Вы... – мнётся девушка. – Вы не желаете больше навещать меня? Что-то случилось вчера, что разочаровало вас?

Что за бред?

Я торопливо говорю:

– Нет, конечно, Настя. Я отлично провожу с тобой время и меньше всего хочу прекращать наши встречи. Но я не могу так сильно рисковать твоим здоровьем...

– Ну пожалуйста, Марк, – тихо просит девушка. – Мы оба не хотим обрывать встречи в самом начале нашего знакомства, и я не позволю глупому страху всё испортить. И вы не позволяйте. Я просто не могу... Понимаете? Я не хочу снова оставаться одна...

В её голосе звучит глухая тоска, безнадёжность какая-то.

И это подталкивает на отчаянную глупость.

– Хорошо, – вздыхаю я и обещаю ей: – Ты не останешься одна. Пока я болею, можем общаться по видеосвязи или че-

рез дверь. А там видно будет.

– Надеюсь, вы быстро поправитесь! – веселеет девушка. – Я нашла годный фильм для нашей следующей встречи!

– Отлично, буду ждать с нетерпением, – отвечаю ей. Губы растягиваются в улыбке. Любопытно, теперь она выбирает фильмы по принципу отсутствия постельных сцен? – Дай знать, если тебе станет плохо, Настя.

– Обещаю, – шепчет она и отключается первой.

Покручивая в руках телефон, я не понимаю, как должен поступить. Сообщать Илоне о болезни или нет?

Решив перестраховаться, я пишу в ответ на вчерашнее сообщение:

“Свалился с гриппом, скучать особо некогда было. Теперь буду работать из дома, пока не вылечусь.”

“Ок, поняла. Извини, на процедурах, перезвоню позже.” – моментально приходит ответ.

Ок, поняла?

А пожелать здоровья и скорейшего выздоровления? Спросить, как самочувствие? Предложить наваристый бульон и травяной чай от экономки? Просьба пожить в другом месте на период болезни, чтобы подстраховаться и обезопасить Настю?

Недовольно поджав губы, набираю сообщение с претензиями, но тут же стираю. Проку-то от её вопросов и пожеланий?

Вместо этого пишу Борису:

“Дружище, поспрашивай у врачей годного иммунолога, пожалуйста.”

Если я собираюсь скрывать от Илоны общение с её дочерью, мне нужен план “Б” на случай, если однажды Насте станет плохо. Да и вообще... Для собственного спокойствия не помешает консультация проверенного специалиста.

Через пару дней мне действительно становится гораздо лучше. То ли лекарства, заботливо присланные Борисом, помогают, то ли бульоны да чай Зои Павловны, а может, и вовсе частые слова поддержки и сопереживание Насти, но я уверенно иду на поправку. И даже решаюсь подняться на мансардный этаж, чтобы оставить под дверью небольшую коробочку с цветами и конфетами, заказанную спонтанно.

Стучу в дверь и тихо говорю:

– Настя, это я.

– Марк? – моментально спрашивает она, словно ожидает кого-то другого.

– Да. Принёс тебе небольшой подарок. Оставлю его под дверью, ладно?

– Подарок?

Она приоткрывает дверь и с осторожностью выглядывает.

– Привет, – чуть поджимая губы и отступая назад, говорю девушке. – Рискуешь.

– Привет, – машет она мне рукой. – Просто хотела вас увидеть хоть одним глазком. Соскучилась.

Говорит прямо, что думает. Простая и понятная девочка.

Это смущает. Но это же и цепляет меня. Хочется познать, во всех ли ситуациях, даже довольно пикантных, она будет прямо говорить о своих чувствах, например. Или о том, *как* ей нравится.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю, выбрасывая из головы эти мысли. Ни к чему они. Только подстёгивают неуёмное желание обладать. – Так и не появилось ни насморка, ни боли в горле?.. Никаких признаков простуды?

Настя улыбается, упираясь лбом в прохладное дерево двери. Глядит на меня одним глазом, а вздёрнутый уголок её губ рождает тепло где-то внутри меня.

Мне нравится её улыбка, и мне приносит удовольствие знание, что я вызываю её улыбку.

– Нет, всё хорошо. Но мне приятно знать, что вы беспокоитесь обо мне. – Подумав немного, она добавляет: – И мне приятно, что вы балуете меня подарками.

Она переводит взгляд вниз, на мои руки. Я протягиваю круглую коробку, и Настя, словно любопытная сорока, быстро выбегает и хватает её.

С усмешкой наблюдаю, как девушка приподнимает крышку и её глаза округляются. Внутри нежная бело-розовая композиция из цветов на одной половине и всяких сладостей – на другой.

– Спасибо, – шепчет Настя. – Мне ещё никогда не дарили цветов.

Поднимает на меня взгляд, порождая бурю в душе. С од-

ной стороны, разум вопит, что с ней так нельзя. Для меня это просто банальный, хоть и, безусловно, приятный, жест. Но она же может вообразить то, чего нет. Неправильно понять мои мотивы и цели. Но с другой стороны, зверь внутри меня довольно потирает руки: с каждым днём общения, с каждым подарком, с каждым знаком внимания мы всё ближе к цели.

“А ты сам понимаешь свои мотивы и цели?” – с ухмылкой в голове звучит голос Бориса, но я отмахиваюсь от него, как от чего-то навязчивого и надоедливого.

– Пожалуйста. Мне приятно тебя порадовать. – улыбаюсь ей. – Наверное, мне уже пора тебя покинуть. Не стоит рисковать...

– Наверное... – шепчет Настя с сожалением.

Я ободряюще улыбаюсь, отходя спиной.

– На связи, Принцесса! – подмигнув ей, отворачиваюсь и иду вниз.

За рутинной удалённой работы и откровенной скуки в одиночестве проходит несколько дней. И только звонки и сообщения, которыми мы обмениваемся с Настей, приносят радость и удовольствие этим серым будням.

Я не могу назвать себя социальным человеком, в целом, даже считаю себя одиночкой. Но вокруг меня постоянно есть люди: сотрудники офиса, Борис, знакомые, Илона. А теперь одиночество Насти словно заражает меня. Я принимаю глубоко к сердцу её положение, примеряю его на себя, и мне хочется найти решение. К концу недели мне становится невы-

носимо знать, что всю свою жизнь человек, больше всего заслуживающий интересной и яркой жизни, вынужден провести в четырёх стенах из-за болезни.

“Неужели нет какого-то выхода?” – спрашиваю я у себя. А получив контакты светила в области иммунологии, по словам Бориса, я задаю ему тот же вопрос.

Глава 7

Она

– А как тебе такое, маленькая всезнайка?

С этими словами Марк загребает горстку попкорна и швыряет в меня.

От неожиданности я так и сижу с открытым ртом, пока Марк смеётся над моим обескураженным выражением лица. И, чтобы сбить с него спесь хоть немного, я хватаю маленькую подушку и бросаюсь на мужчину.

– Так не честно! – со смехом я замахиваюсь и ударяю его.
– Едой швыряться вздумали?

Марк перехватывает мои руки и резко тянет к себе, а потом укладывает на лопатки, нависая сверху. Я лежу, распластанная на полу. Под ним. С ума сойти!..

Моё сердце трепещет в груди, то устремляясь к самому горлу, то опускаясь куда-то к центру живота и ниже, отдаваясь ноющей пульсацией.

Я замираю. Взгляд впивается в растянутые в улыбке мужские губы, полные, кажущиеся мне твёрдыми, словно скульптура. Хочется прикоснуться. Хочется провести по ним пальцами. Хочется убедиться, что их мягкость мне не приснилась, что аккуратно подстриженная борода на самом деле совсем не жёсткая и колючая.

Я так часто вспоминала вечер, проведённый в компании

Марка, когда мы поедали суши, что теперь начинало казаться, что я всё придумала. Не мог же он на самом деле обсаживать мои пальцы с таким видом, словно... словно... словно это приносит ему удовольствие... А теперь он нависает сверху и его лицо так близко к моему.

Он перестаёт улыбаться. На мгновение его глаза устремляются к моим губам, отчего губы начинает саднить и покалывать. И я медленно облизываю их.

Зрачки Марка расширяются, делая тёмные глаза почти чёрными. Почему-то я уверена: если бы мне пришлось в голову прямо сейчас потребовать поцеловать меня, он бы сделал это.

Мысль о поцелуе заставляет меня покраснеть.

Боже мой! О чём я думаю?!

Он – взрослый мужчина, практически муж моей матери. Одно это обстоятельство должно начисто стирать из мыслей всё, связанное с ним в другом плане. В его разговоре так часто звучит слово “маленькая”, что становится сразу понятно: для него я ребёнок и возится он со мной из жалости. Но я всё чаще ловлю себя на мысли, что *хочу, жажду* получить от него другого внимания.

– Ах, ты, маленькая негодница! – выдыхает Марк мне в лицо, и я морщусь, услышав становящееся ненавистным словечко. – Сейчас я тебя проучу!..

Его шуточный тон никак не вяжется с серьёзным видом. Но вот мужчина отпускает мои руки и начинает щекотать.

– Нет, нет, нет! – кричу я, извиваясь под сильным и крепким телом мужчины.

Ему ничегошеньки не стоит удерживать мои ноги, прижимать меня к полу, щекотать и отклоняться от моих рук, которыми я пытаюсь оттолкнуть его или пощекотать в ответ. Но, видимо, устав сопротивляться, Марк сжимает оба моих запястья ручищей и поднимает, крепко удерживая, над моей головой. Он продолжает свою экзекуцию одной рукой, а я сопротивляюсь отчаянней. Лишённая свободы рук, я дрыгаю ногами и извиваюсь, пока мужские пальцы щекотят рёбра и бока.

В какой-то момент моя футболка задирается, и Марк – случайно или нет – задевает пальцами участок обнажённой кожи. Ведёт по рёбрам вверх, под футболку, почти до кромки боковой части бюстгалтера, спускается вниз. И так несколько раз.

Каждый из которых я сжимаюсь от сладостного предвкушения каких-то иных прикосновений.

Я перестаю сопротивляться. И смеяться перестаю. Щекотание перетекает в неясные вождения пальцами по коже, пока Марк и вовсе не перестаёт меня касаться, поправляя на место край футболки.

– Мне нужно уйти, Настя, – выдыхает он, заглядывая в мои глаза. – Нужно немного проветриться. Я собирался немного украсить гирляндами возле входа. Так вот, лучше заняться этим, пока окончательно не стемнело.

В его глазах я вижу целое море эмоций. Они мелькают как калейдоскоп.

Он не хочет уходить. Я чувствую это. Я просто знаю, что он хочет остаться. Знаю, почему не может, так же, как и знаю, что это всё неправильно. Неправильно то, что мы делаем сейчас, неправильно даже наше тайное общение. Неправильно сопротивляться желанию дурачиться вместе, неправильно само желание. Это слишком сложно для моего понимания. Я отказываюсь это понимать. Но я знаю, что не имею права хотеть и не смогу получить чего-то большего.

– А можно пойти с вами? – спрашиваю, прикусывая губу.

– Ты хочешь выйти во двор? – осекается он.

Я пожимаю плечами, внутренне содрогаясь от страха. Я никогда прежде не решалась на что-то столь безрассудное. Да и желания идти наперекор наставлениям мамы мне как-то не приходило в голову.

Но теперь я понимаю, что как раньше уже не будет. Я просто не смогу.

– Думаю, не смертельно, если я немного погуляю, пока вы будете заниматься своими делами во дворе.

– Ты уверена, что стоит? А как же вирусы и инфекции?

– Я целый вечер провела с вашими вирусами и инфекциями в обнимку и даже не чихнула. – фыркаю я. – И потом, разве морозный свежий воздух не полезен для организма?

– Хорошо, – просто отвечает он. – Тогда собирайся, и выходим.

Марк ловко вскакивает на ноги и протягивает мне руку.

Не верится, что я так просто на это решилась, а он так просто согласился. Надеюсь, всё пройдёт успешно, ведь моя глупость может обернуться настоящей катастрофой, а сейчас мне меньше всего хочется терять свою зыбкую реальность, в которой у меня есть Марк.

– А ну иди сюда, – с усмешкой бросает мужчина, ожидающий меня у двери. Я подхожу к нему, игнорируя Зою Павловну, застывшую посреди холла. – Где твой шарф, девочка Настя? – Марк снимает с себя шарф и заматывает им меня. – Так-то лучше! Теперь точно не замёрзнешь.

Я улыбаюсь, совершенно позабыв, что за маской он не сможет этого увидеть. Но Марк всё равно понимает и улыбается в ответ, щёлкая меня по носу. А потом подхватывает коробку с какими-то проводами и открывает входную дверь.

– Не передумала?

Я качаю головой, бросаю быстрый взгляд на недовольное лицо экономки и выхожу за порог.

Мороз касается носа, щёк, лба. Я жадно вдыхаю холодный воздух, пахнувший свежестью, и со свистом выдыхаю – немного недоверчиво, рвано. Следующий вдох я делаю уже уверенней. А на третий раз стягиваю с носа медицинскую маску и, держась за перила, спускаюсь по заснеженным ступенькам на подъездную дорожку.

По правую и левую сторону ровные туи под шапками снега. Я стягиваю пушистую варежку и резиновую перчатку и

утапаю пальцами в ледяных кристаллах, искрящихся под светом фонарей.

Кожу покалывает от холода, но я сминаю снег в руке, формируя комочек. От тепла рук он быстро тает, превращаясь в воду, капает с рук на пальто и под ноги.

Я дохожу до конца ряда растительности и вижу парковку, на которую постоянно смотрю из окна. Осматриваю большую чёрную машину Марка и поворачиваюсь к её владельцу.

Он внимательно смотрит на меня.

– Что будем делать? – кричу ему.

– Думаю, обматывать туи гирляндами, – замешкавшись всего лишь на мгновение, отвечает Марк.

– Здорово! Давайте приступим!

В две пары рук процесс выходит слаженным. Сначала мы стряхиваем снег с веток, потом мужчина потихоньку разматывает гирлянду, а я бегаю вокруг деревца, украшая его фонариками.

Кажется, на это уходит несколько километров проводов с лампочками. Запыхавшись, я прикладываю к щекам прохладные ладошки, и Марк изучающе смотрит на меня.

– Как себя чувствуешь?

– Отлично, – улыбаюсь ему. – Немного устала с непривычки, особенно, ноги. Не думала, что ходить в снегу будет так непросто. Чувствую себя медлительной, словно черепаха.

Я звонко смеюсь. Марк улыбается в ответ.

– Включаем? – спрашивает у меня, и я киваю.

Он отходит на пару минут в дом, чтобы вытащить удлинитель. Пока его нет, я поднимаю лицо к небу и смотрю в тёмноту. Поначалу перед глазами пляшут разноцветные круги, но вскоре я привыкаю и различаю кружащиеся в выси белые мушки.

На периферии зрения вижу, как золотым свечением вспыхивают туи. Скорее, чувствую, чем слышу приближение шагов.

Марк подходит сзади. Накрывает мои плечи руками, притягивая мою спину к своей груди.

– Красиво вышло, Насть, – говорит в самое ухо, обдав меня горячим дыханием. – Мы с тобой отличная команда, как считаешь?

Я опускаю взгляд, осматривая туи, и отвечаю:

– Согласна, очень красиво получилось. И, вообще, всё очень красивое. Гораздо лучше, чем выглядит из окна. Я рада, что вышла. Это удивительный вечер...

– Ты – удивительная девушка, Настя, – отзывается Марк. Разворачивает меня к себе лицом. – Удивительная и очень красивая. Всё остальное меркнет рядом с тобой.

Я тяжело сглатываю. Мужчина смотрит с пугающей решимостью. Медленно склоняется к моему лицу.

Он... собирается меня поцеловать?! Или что вообще сейчас происходит?

Как же волнителен этот момент! Я вся дрожу. От страха, от незнания, от волнения, от внутренних переживаний, от

нетерпения, от предвкушения.

Но совершенно неожиданным образом прямо на кончик моего носа падает снежинка, и я, поморщившись, чихаю ему в лицо.

– Ой, простите! – хихикаю я.

Марк начинает хохотать, порывисто прижимая меня к себе, упираясь подбородком в мою макушку.

– Кажется, хватит на сегодня экспериментов с гулянием. Пойдём-ка в дом, малышка, греться и пить чай. – Он приобнимает меня за плечи и тянет к ступенькам. Мне не хочется уходить, и я хнычу себе под нос и всячески торможу. На что Марк вздыхает: – Чёрт, Насть, ну что же ты без ножа режешь? Ты представляешь, с каким содроганием я и так буду ждать, к чему приведёт наша прогулка?

– Вы... волнуетесь обо мне? – спрашиваю, чувствуя, как вспыхивает моё лицо.

– Конечно. А как иначе, Настя? В случае чего мне нести ответственность...

– Я уже взрослая, – говорю с непонятно откуда взявшимся упрямством. Внутренности обжигает от обиды, а глаза наполняются слезами. – Это было *моё* решение. Это я так решила...

– Да я же не спорю, – вздыхает он. – Ты и взрослая, и ответственная. И я ни в коем случае не собираюсь умалять значимость твоих решений. Более того, я горжусь твоей смелостью...

– Или глупостью? – с грустью усмехаюсь я.

– Или глупостью, – соглашается Марк, мягко улыбаясь. – Но это очень важно для тебя и твоего будущего, поэтому я всегда поддержу тебя, Насть.

“Почему?” – хочу спросить я, но не решаюсь. Боязно узнать правду.

Даже когда мужчина подносит руку к моей щеке и нежно гладит, не решаюсь, хотя мне и кажется, что я знаю ответ. Или мне слишком хочется верить в это.

– Но ты пойми меня правильно, Принцесса, – продолжает Марк, удерживая моё лицо в ладонях, удерживая мой взгляд. – Как я могу не переживать? Это ты живёшь со своей болезнью всю сознательную жизнь, а мне-то что делать? Что мне делать, если тебе станет плохо?

Его голос становится тихим, проникновенным, опускается практически до самого шёпота, разрывая мою душу в клочья. Ещё никто никогда прежде не говорил мне ничего подобного, кажется, даже моя мама.

Но я выдаю непослушными губами:

– Всё будет хорошо, обещаю.

– Ну, Насть, – улыбается он. – Ты же такая взрослая, сознательная, ответственная девушка, неужели ты не понимаешь, что, как бы мне не хотелось, я не могу просто принять твоё обещание, но, скажем, мы могли бы договориться...

Он выразительно смотрит на меня, словно не хочет про-

должать без одобрения с моей стороны.

Я переминаюсь с ноги на ногу и спрашиваю:

– Договориться о чём?

– Если бы ты позволила мне отвезти тебя к хорошему врачу и согласилась пройти обследование, чтобы я в полной мере понимал все риски, мне стало бы гораздо проще понимать твою болезнь и планировать наше времяпровождение.

Мысли хаотично кидаются врассыпную. Марк предлагает открыться маме? Хочет съездить в клинику с нами? Собирается познакомиться с моим врачом и расспрашивать его о течении болезни?

– Маме это не понравится, – хмурюсь я. – Вряд ли она согласится на то, чтобы вы поехали с нами к врачу, а если мы приедем без неё, доктор же поставит её в известность..?

– Технически ни один доктор не может передавать информацию о твоих посещениях. Никому, даже твоей маме. Потому что ты уже не ребёнок, Настя. Но я допускаю, что врач, который ведёт твою болезнь с самого начала может пренебречь правилами.

– И как же тогда быть?

– Твой врач ведь не единственный, – пожимает плечами Марк. – Я нашёл хорошего врача, который примет нас в любое время.

Нас. Это слово греет душу. Мне нравится думать о нас. Но это не отменяет того факта, что думать о нас в одном предложении слишком запретно, слишком опасно.

– Если мама узнает... – качаю головой, и Марк усмехается.

– Мы не скажем маме.

Он вроде бы ждёт ответа, но интуитивно я понимаю, что моё разрешение ему не требуется. Так и стоит ли сопротивляться?

– Хорошо, – решаюсь я.

– Моя умница, – хвалит мужчина. – Вот теперь точно идём в дом, пока ты не разболелась раньше времени!

– Я не... – начинаю я.

– Это просто шутка. – Подняв руки вверх в защитном жесте, перебивает Марк. – Дурацкая. Но обещаю исправиться, как только мы покажем тебя врачу. Договорились?

Я киваю, и он протягивает мне руку. Нерешительно вкладывая пальцы в его ладонь, и Марк сжимает их, уверенно направляясь ко входу в дом.

Больше я не препятствую мужчине. Покоряюсь. Не знаю, к чему это приведёт. Не хочу думать о его мотивах. Просто покорно следую за ним, пока в сердце разгорается надежда.

Глава 8

Она

Наутро я никак не могу проснуться.

Засиделась допоздна, пытаюсь уложить в голове прочитанный материал к занятиям и происходящее в моей жизни, но мне мало что из этого удалось переварить. Так и легла часа в три. И всё думала, думала, думала. Ничего так и не надумала, а теперь всё никак не могу заставить себя разлепить глаза и подняться.

Неожиданно дверь распахивается.

– Доброе утро, Принцесса! – доносится до меня бесцеремонный голос Марка. Я быстренько натягиваю на голову одеяло. Поверить не могу, что он ворвался ко мне вот так, без стука и предупреждения! Он хмыкает: – Ага, вижу, ты уже проснулась.

– Нет, я сплю, – протестующе хнычу я. – А вы мне только снитесь!

– Поверь, детка, если бы я явился к тебе во сне, то не трагил бы времени на пустые разговоры, – хмыкает мужчина, стягивая с меня одеяло.

– И чем же вы занялись бы, в таком случае? – недовольно спрашиваю у него, пытаюсь одновременно одёрнуть и рубашку, и шортики, но замечаю в его руке поднос. – А это что?

– Завтрак в постель. – с улыбкой отвечает он, начисто иг-

норируя первый вопрос. – На самом деле я зашёл перед отъездом на работу убедиться, что ты себя хорошо чувствуешь после вчерашней прогулки. Ты не отвечала на сообщения...
– Ох!

Я взволнованно смотрю по сторонам в поисках телефона. Замечаю его на краю стола, там, где я, видимо, и забыла, когда отправилась спать.

Вскакиваю с постели. Слишком поспешно, путаясь одной ногой в одеяле, отчего падаю на пол. От стыда хочется реветь. Что же я за неуклюжая-то такая?

Встаю на карачки, дрыгая ногой, чтобы освободить её от мягких оков.

– Млять, – тихо вырывается сквозь зубы у Марка. Звучит, как тихий свист, как проклятье, как... Додумать я не успеваю. Горячие ладони ложатся на мои бедренные кости, и Марк говорит: – Давай помогу.

Но помогать не торопится. Или это время застывает?

Я стою в нелепейшей позе, прекрасно понимая, что шорты слишком экстремально короткие, а значит, мой зад, скорее, открыт, чем прикрыт. А под ними – стыд и срам! – розовые трусы в горошек.

Кажется, моя кожа воспламенилась. Иначе почему я вся вдруг начинаю гореть?

Руки Марка напрягаются, сжимая меня сильнее. Его большие пальцы вжимаются в мягкие ткани ягодиц, скользят, цепляя края шортиков. Я перестаю дышать, кусаю губы и за-

крываю глаза. Внутри меня разрастается настоящий пожар, бушующее пламя которого слизывает своим языком все противоречивые чувства и запреты.

Мне почти девятнадцать. Мне давно известно о сексе. При всей доступности информации и откровенности в кино и литературе нужно быть совсем идиоткой, чтобы не понимать что к чему происходит между мужчиной и женщиной. И сейчас я почти уверена, что хочу своего будущего отчима. А он однозначно хочет меня – в этом я тоже почти уверена.

Полагаю, жар и пульсация – это и есть возбуждение. Это не так восхитительно, как это показывают. Это причиняет дискомфорт. Хочется чего-то такого, о чём я не имею ни малейшего представления. Я даже не целовалась ни разу, поэтому мне сложно сейчас классифицировать свои ощущения и, тем более, понять, как с этим быть.

Тем временем руки Марка очерчивают полушария ягодниц, касаются голой кожи; пальцы едва ныряют под кромку белья. О Боже, он *ощупывает* мой зад?

Не сумев больше сдерживать нахлынувших ошеломляющих эмоций, я громко всхлипываю.

И внезапно всё завершается.

Он убирает руки.

– Чёрт, твою мать, млять! – тихо ругается за моей спиной Марк и дёргает меня вверх. Я резко принимаю вертикальное положение, едва удерживаясь на трясущихся ногах. Мужчина подходит почти вплотную, на мгновение прижимается гу-

бами к моей макушке и выдыхает: — Прости меня, маленькая, я не хотел тебя испугать. Мне так жаль...

Он уходит. Хлопает дверь.

— Но мне не страшно... — шепчу я в пустоту.

Я обхватываю себя руками, чувствуя холод, опустошение, одиночество и жалость к себе. И я абсолютно не понимаю, как всё это можно исправить.

Марка нет дома до глубокой ночи. Я знаю это точно, потому что сижу на окне с момента его отъезда. Глаза уже слипаются, но я не ложусь спать.

Думаю: вот увижу его и сразу пойму, как поступить. Нужно ли броситься к нему с признаниями или забиться в уголок и сидеть тихо, словно мышка? Наверное, зависит от его настроения. Злится ли он на меня? Ненавидит? Винит в произошедшем меня? Сделает ли вид, что ничего не было, что мы оба не хотели большего, что он не трогал меня, а мне это не нравилось?

И тут же я переключаюсь на иные размышления. Делает ли меня произошедшее плохой дочерью, плохим человеком? Должна ли я признаться матери, что мне нравится Марк? Как мужчина нравится. Как *мой*, а не её мужчина нравится. Господи, как же сложно!

Я прижимаюсь лбом к стеклу. Мозги уже кипят от всех этих мыслей! Была ли я счастлива до появления в моей жизни Марка? Да. Иным счастьем. Простым и беззаботным. Я занималась тем, что мне нравилось, и не думала о недоступ-

ном. А теперь меня делают счастливой минуты, проведённые рядом с Марком, направленный на меня пронзительный взгляд, когда он думает, что я не вижу. Но это счастье слишком сложное для моего понимания. Ещё и мама...

Моё внимание привлекает подъезжающий к дому жёлтый автомобиль. Такси.

Странно. Зоя Павловна не отлучалась, а у матери и Марка собственные машины. Тогда кто же к нам приехал?..

Испытывая неясное внутреннее волнение, я жадно всматриваюсь в темноту.

Такси останавливается прямо перед дорожкой. Пару минут не происходит ровным счётом ничего, а потом водитель покидает салон, огибает машину и распахивает заднюю дверь. И буквально вытаскивает оттуда кого-то, подозрительно напоминающего Марка.

Ему плохо? Он болен? Попал в аварию?

Почему он еле перебирает ногами, повисая на водителе такси?

По дому разлетается трель звонка. Динь-дон. Динь-дон. Динь-дон. Звонят не менее шести раз, пока я усиленно соображаю, что делать, прежде чем это прекращается.

Таксист уезжает. Я осторожно выбираюсь из комнаты, надеясь подслушать разговор Зои Павловны с Марком, но свет приглушен, на лестнице и в холле стоит звенящая тишина.

Экономка не вышла на шум?

Я сбегая по лестнице и открываю входную дверь.

Марк стоит, пошатываясь, голова понуро опущена вниз. В его руках связка ключей, среди которых он пытается найти тот самый. Судя по всему, у него выходит слабо.

Я зябко ёжусь от морозного воздуха с улицы и выскакиваю босиком за порог.

– Марк, входите скорее, – говорю мужчине, выхватывая из его рук ключи, и тяну его за рукав.

Он удивлённо смотрит на меня. Забавно моргает, словно не верит глазам.

– Моя маленькая Принцесса, – заключает он с довольным видом. – Опять хулиганишь, воришка вкусняшек?

– Что? Нет! – немного застенчиво отвечаю ему, ненавязчиво затягивая мужчину внутрь дома и захлопывая дверь.

– Хулиганишь, – хмыкает он, подтверждая утверждение кивком. – Но я никому не скажу. Лучше сам накажу: отшлёпаю тебя по попе. Тем более ты снова в своей никчёмной пижамке. Моей любимой.

Он тихо смеётся, но смех выходит каким-то невесёлым.

Да что это с ним?!

Пока я раздумываю, задавать ли этот вопрос вслух, Марк пытается расстегнуть пуговицы пальто, но у него ничего не выходит.

Я подхожу ближе.

– Давайте помогу.

– Помогай. – просто отвечает он, разводя руки в стороны.

Я быстро справляюсь с задачей, бросаю пальто на пуфик

и опускаюсь вниз. Тяну за шнурки на туфлях и спрашиваю:

- Сами скинете обувь?
- Не могу, – качает он головой.
- Тогда придерживитесь за что-нибудь.

Не найдя лучшего решения, он упирается ладонями в мои плечи. Долгими стараниями нам удаётся стянуть туфли. Когда я собираюсь подняться, Марк переносит руку мне на затылок, путаясь пальцами в волосах.

Марк переступает с ноги на ногу, делает шаг ближе. Его пах оказывается прямо напротив моего лица. И там я явно различаю весьма ощутимый бугор, внушающий мне весь спектр эмоций от трепета до панического ужаса.

Он же не заставит?.. Не могу же я сразу делать *такое*?!

Крепко зажмурившись, я замираю. Марк массирует пальцами мою голову, не предпринимая никаких попыток приблизить меня к своему хозяйству.

– Сейчас я чертовски пьян, и только это может служить мне грёбанным оправданием, – говорит глухо, но, даже несмотря на оглушающее биение сердца в ушах, я отчётливо разбираю каждое слово. – Ты меня с умаводишь, Настя. И твои короткие шортики нихрена не помогают. Вы с ними на пару не выходите из моих мыслей. Я постоянно думаю о тебе, о тебе в этих шортах, о твоих ногах и аппетитных булочках... Чёртово наваждение... – Обхватив меня за плечи, Марк резко дёргает вверх, ставя меня на ноги. – Ты моё чёртово наваждение, Настя. И что же мне с тобой делать?..

Вопрос повисает в напряжённом воздухе между нами. Чтд, как говорится. Что и требовалось доказать. Он испытывает то же притяжение, что и я. Но почему-то это признание не приносит мне ни счастья, ни облегчения. Наоборот, оно словно всё усложняет.

И чтобы не думать об этом прямо сию же секунду, я торопливо говорю:

– Пойдёмте баиньки, Марк. Утро вечера мудренее.

Мужчина обнимает меня за плечи, наваливаясь всем телом. С огромным трудом нам даётся покорение лестницы. На втором этаже я на пару мгновений зависаю: идти в спальню мамы и Марка я не хочу, но и тащить эту гору мышц и мускулов к себе представляется абсолютно невозможным. Я без сил, а Марк, кажется, засыпает на ходу, с каждой ускользающей секундой так и норовя свалиться кулем на пол.

Делать нечего, и я веду мужчину в спальню матери, чувствуя себя преступницей, лицемеркой. С небольшим опасением разглядываю интерьер, большую кровать и поджигаю губы, раздражаясь.

Не хочу представлять их вместе, но эта картина упрямо встаёт перед глазами помимо моей воли.

– Мы на месте, – говорю Марку. – Сейчас будете отдыхать...

Я откидываю одеяло на одну сторону кровати и пытаюсь уложить Марка, но неожиданно он, всё ещё крепко держась за меня, падает сам, утягивая меня за собой.

Я пытаюсь вырваться, но мужчина стискивает меня ручищами.

– Тише, тише, т-ш-ш, – шепчет он. – Не бойся. Я помню, что мне нужно держать себя в руках, что нельзя тебя касаться. И не трону. Не бойся. Полежи со мной, Насть. Просто полежи...

Я должна уйти, я знаю это. Слегка поворачиваю голову, чтобы твёрдо заявить об этом Марку, но он смешно и трогательно складывает губы уточкой и просит:

– Пожалуйста, ну пожалуйста! Небудь такой злокой, я же так хочу быть с тобой!

Хочется сохранить серьёзное выражение на лице, но не удаётся. Губы так и норовят предательски расползтись в улыбку, и я поджимаю их. Интересно, что значит эта его фраза – “я хочу быть с тобой”? Хочет спать рядом или чего-то более глобального? Признает ли это проснувшись, при свете дня? В каком настроении он проснётся? Запомнит ли всё, что наговорил мне? Станет ли жалеть о сказанном?

Я не знаю. Никогда не имела дел с людьми в состоянии алкогольного опьянения. Одно мне ясно точно: столкнуться с его настроением утром да ещё и на чужой территории я не готова. Решаю дождаться, пока Марк заснёт крепче, и улизнуть в свою комнату. Поэтому успокаиваюсь и перестаю вырываться. Временно.

Осознав, что я остаюсь, мужчина с довольной до безобразия улыбкой расслабленно устраивается на подушках, при-

тягивая меня ближе к себе. Часто дышит в мою макушку, словно специально, словно надышаться не может. А я, пока у меня выдалась такая возможность, осторожно веду ладошкой по его груди, по белоснежной рубашке, сидящей так тесно, что я ощущаю, какая у него горячая кожа, какие твёрдые мышцы, и останавливаюсь, почувствовав под ладонью биение сердца.

Марк тихо вздыхает и накрывает мою руку своей, едва касаясь, проводит кончиками пальцев по моим пальцам, ненавязчиво переплетает наши пальцы. Я утыкаюсь носом в его плечо. Он выводит замысловатые узоры на моём, водя по нему пальцами руки, которой меня обнимает. Я млею от этих лёгких прикосновений, меня обволакивает запах и жар мужского тела. На короткое мгновение Марк отпускает мою руку, тянется куда-то – я не сразу понимаю куда, пока он не укрывает нас обоих одеялом.

Я не собираюсь оставаться спать с ним. Просто дожидаясь, когда он заснёт. Но Марк так долго не затихает, а мне так тепло, что глаза невольно закрываются и я обмякаю, проваливаясь в сон.

Мне жарко. Я отстраняюсь от источника этого жара где-то за моей спиной, сбрасываю с себя одеяло, но неожиданно широкая ладонь властно ложится поперёк моего живота и притягивает меня обратно. По ощущениям – вдавливают со всей дури в бетонную стену, и оковы сна рассыпаются как картонный домик.

Поначалу шокировано изучаю чужую комнату, пока не вспоминаю где и по какой причине ночевала. А через какое-то мгновение всё перестаёт иметь значение: рука Марка ныряет под рубашку, медленно скользит по коже до груди и коротко сжимает её. Желание молниеносно бьёт по всем нервным окончаниям, и я неосознанно прогибаю спину в пояснице, упираясь ягодицами в возбуждение мужчины. Он никак не реагирует на это. Спит? Судя по размеренному дыханию, так и есть.

Тем временем рука Марка теми же скользящими движениями ползёт вниз по коже, пальцы ныряют под резинку шортиков... И тут же исчезают.

– Млять, – тихо констатирует Марк. В его голосе слышится недовольство, разочарование. Это не просто ранит, а по настоящему убивает меня. Едва сдерживая слёзы, я хочу перекатиться на другой край кровати и попросту сбежать, но мужчина резко хватает меня ручищами и разворачивает к себе лицом.

Я с удивлением замечаю, что он, по всей видимости, уже вставал. На нём домашние шорты чуть ниже колен и простая хлопковая футболка. От него едва слышно пахнет дезодорантом или гелем для душа, но больше чистотой, из чего я делаю вывод, что Марк успел принять душ.

Внимательно вглядываясь в мои глаза, он, тщательно подбирая слова, медленно выговаривает:

– Почему ты не остановила меня, Настя? – Я молчу, чув-

ствуя, как жар заливает лицо, шею, даже кончики ушей. – Ты вообще понимаешь, что я мог сейчас стянуть с тебя эту чёртову пижаму и... Понимаешь?!

Я молчу. А что мне остаётся? Не рассказывать же ему, как мне приятны его прикосновения. Что они необходимы мне, хотя я не могу, не должна об этом мечтать.

– Ты понимаешь, Настя? – спрашивает он, повышая голос. Я лишь поджимаю губы и крепко зажмуриваюсь. – Ты понимаешь, как действуешь на меня? Я даже во сне не могу себя контролировать! Понимаешь, что ещё мгновение и я бы уже не захотел останавливаться? Ты понимаешь, какой скандал из этого бы вышел? Как, по-твоему, на это отреагирует твоя мама? Ну что ты молчишь?

А что говорить? Я испытываю угрызения совести, ругаю себя последними словами за то, насколько я плохая дочь, но это не отменяет моих чувств и жажды его внимания, его прикосновений.

– Мы не скажем маме, – шепчу я. Жалкая девчонка! Ещё умолять начни!

Он тяжело и обречённо вздыхает.

– Посмотри на меня. Пожалуйста. – Я осторожно открываю глаза. Марк выглядит уставшим. Меж бровей пролегла глубокая складка, уголки губ опущены вниз. – Не могу сопротивляться.

С этими словами он приближается ко мне.

– Что... Что вы делаете? – спрашиваю у мужчины. Сердце

отбивает в ушах частую дробь; за этим шумом я с трудом различаю ответ Марка.

– А на что это похоже?

Расстояние между нашими губами стремительно сокращается до считанных миллиметров. Горячее дыхание обжигает меня ароматом ментола и чего-то ещё – дикого, животного. Страсти, похоти, вожделения.

Я вдруг отчётливо понимаю: ходьба вокруг да около, игры и шутки кончились. И это внушает если не страх, то опасения.

Что будет происходить между нами дальше? Как?

Ведь он прав: мать придёт в ярость. Будет скандал. Не просто скандал, а настоящий армагеддон. Мама никогда не простит мне такого предательства. И Марку тоже. Расскажет ли он ей? Признается ли? А вдруг решит смолчать, сделав меня своим *маленьким* грязным секретиком? И что я буду делать, если, в конечном итоге, останусь совсем одна, запертая в четырёх стенах?

Кажется, только сейчас я в полной мере осознаю все последствия происходящего и понимаю, что не готова ни к чему из этого.

– Нам нельзя. Маме это не понравится, – испуганно пишу в полное решимости лицо Марка.

– Маме? – усмехается он. – Мы не скажем маме...

Глава 9

Он

Хрупкое и такое желанное женское тело подо мной сводит с ума. Разум затмевает хмельной туман. Я хочу её. Хочу изорвать сводящую с ума пижаму в клочья. Хочу целовать. До одури. До искр из глаз. Как в последний раз.

Не могу сопротивляться.

Кажется, я произношу это вслух.

Кажется, я намерен совершить сейчас безумное количество безумных действий, и первым шагом к моему окончательному помешательству станет наш поцелуй.

От животного вожделения я слепну, глохну, перестаю воспринимать всё побочное. Есть только я, Настя, искрящееся желание между нами. Она тянется ко мне, я вижу, чувствую, распознаю это. А меня тянет к ней. Между нами безумное притяжение. Настолько осязаемое, словно его можно потрогать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.